

Лариса КЕФФЕЛЬ-НАУМОВА

БЕГСТВО В РАЙ

Эмигрантская повесть

(Журнальный вариант)

Глава I. ЛИЛЬКА

Мать в очередной раз гладила отцу «выходную» красную рубашку. Была пятница. Отец собирался на гулянку. Мать это знала и не сопротивлялась. Она русская, муж эстонец. Жили они в Тарту. Лилька сидела в углу, нахмурившись. Две недели назад ей исполнилось шесть лет. Была она рослой, темноволосой девочкой, с зеленоватыми с золотыми крапинками глазами, несколько вытянутыми к вискам, и вздёрнутым вместе с верхней губой носиком. Стандартное платье, купленное на её возраст в детском магазине, всегда выглядело на ней немного коротким, юбка не могла прикрыть чересчур длинные, как у цапли, ножки. Мать всё время надшивала или надвязывала рюшки из другого, более-менее подходящего материала или ниток. Особо выбирать не приходилось.

Отец, когда бывал пьяным, а бывал во хмелю он частенько, орал матери: «Забери своего бастарда! Нагуляла!» Лилька не понимала, кто это такой — «бастард» — и где мама гуляла? Она была очень похожа на отца — двухметрового великана: эстонская рослая порода и материн тёмный окрас. Мама, наоборот, была небольшого роста, миниатюрная, с тёмными, чуть подвивающимися роскошными волосами, с которыми она не могла совладать, и Лилька каждое утро была свидетельницей мучений матери, собирающей эту роскошную гриву на затылке в хвост. На последнем обороте она не вытаскивала до конца волосы из-под резинки. Получалась такая чудесная причёска — «пальма». Мать перехватывала эту роскошь модной заколкой, и Лильке казалось, что её мама похожа на всех эстонских, польских и других моделей, которых она видела в журналах мод с выкройками, что лежали на журнальном столике в гостиной. Мать шила себе и знакомым.

— Мам, мам! — гадела Лилька. — Ты сошьёшь мне принцессино платье? Такое — из розового тюля?

У матери, в этот момент подкальывающей что-то, во рту были булавки:

— Сосью! Сосью! Только остань! — шепелявила мать.

— А когда? — не унималась Лилька.

— Когда за тобой приедет прекрасный принц! — мать наконец выбрала изо рта все булавки.

— А он приедет? — сомневалась Лилька.

— Конечно! — улыбалась мать. — В своё время. Когда вырастешь.

Девочка радостно прыгала вокруг матери, которая наконец-то закончила причёсываться.

— А теперь подушись «Красной Москвой»! Ну пожалуйста!

Мать вытаскивала из коробки флакон, присев перед трельяжем, и, томно откинув красивую голову, душилась сама и стеклянной пробкой проводила за ухом и по шее вертевшейся рядом дочки, верещавшей от восторга, — вдруг, в порыве молодой искрящейся радости, вскакивала, и вдвоём, взявшись за руки, они минуту или две кружились, хохоча до слёз.

Отец привёз мать к себе, в Эстонию, после армии. Он служил в Шуе, под Иваново, а Иваново, как известно, — город невест. Там и познакомился с ней на танцах, в увольнительной. Эта девушка показалась ему на брызгающей разноцветными фонариками танцплощадке, в ритмичных звуках музыки до того красивой, что всё никак не решался подойти — только краснел, опускал глаза и топтался около круга, как стоялый конь. На ней была полупрозрачная нейлоновая блуза, на осиной талии стянута летящая, пёстрая юбка, туфли-лодочки... Цыганка, как звал её отец, этакая Эсмеральда с

блестящим великолепием смоляных волос, рассыпавшихся по плечам! А она не могла оторвать взгляд от нездешнего великана, совсем не похожего на русских парней, — высокого застенчивого исполина с будто выгоревшими от солнца волосами.

— Ну иди! Пригласи его! — пихали её подружки, и она подошла.

Служивый, при виде которого вдруг так тревожно забилося сердце девушки, оказался эстонцем из Тарту (в Шуе его за диковинную манеру коверкать слова прозвали «иностранец»). Где эта Эстония? Какая это страна? Никто в ней не был.

В одиннадцатом веке дружина киевского князя Ярослава Мудрого присоединила часть земель в Киевской Руси. Князь основал на этих землях город Юрьев, то бишь Тарту. Кому только не принадлежал город! Времена тогда были беспокойные. Продвинутые правители удовлетворяли свои гендерные амбиции в войнах: на полях сражений, в осадах и штурмах городов-крепостей, к каковым и принадлежал Тарту. Ох и швыряло его! От новгородцев — к ливонцам, от суетных поляков — к воинственным шведам. Повидал городок на своём веку — мало не покажется! Жители сей «ци-тадели», судя по всему, так и не отошли от постоянных пертурбаций бытия и сознания и до сих пор находятся как бы в перманентном удивлении от того, что с ними произошло. О глубокомысленности и неторопливости мышления эстонцев ходят легенды.

Солдата с солнечными волосами и хрустально-голубыми глазами, обжигающими холодноватым взглядом, с густыми светлыми ресницами под белёсыми, словно выгоревшими, бровями, звали Айвар. Наверняка в его крови соединились и новгородцы, и поляки, — но прежде всего, как потом уже смекнула Ирина — так звали шуйскую Эсмеральду, — любители выпить! Но это было потом. А сначала была любовь, они уходили далеко в луга и целовались, целовались... Ирину провожали, как за границу. Гуляли три дня.

Мать Айвара, Пирет, встретила невестку неласково. Всё время на эстонском что-то сердито бурчала, показывая головой в сторону Ирины — мол, привёз, «свою» не мог взять! Там, в России, Айвар был с ней другим: нежным, добрым, приносил ей луговые цветы, бабочек в банке. Один раз Ирина пришла на свидание, а он открыл банку — и бабочки разлетелись: лимонницы, павлиний глаз, шоколадницы, капустницы... Ирина замерла от восторга! Но здесь, в Тарту, всё изменилось. Появились старые друзья, с которыми он работал в порту: грубые, немногословные, они смотрели на Ирэнду, как они её называли на эстонский манер, как на чужую — русскую, и при случае высмеивали Айвара, настраивали против молодой жены. Она была уже беременна и, стиснув зубы, терпела грубость и отчуждённость мужа. Он стал часто выпивать. Когда родилась дочка, лучше не стало. Айвар хотел сына.

Как-то раз по телевизору Лилька увидела один старый иностранный фильм. Сюжет она не запомнила, но её поразила яркая картинка счастья, общая атмосфера добра, покоя и благополучия. В великолепном доме, с увитыми плющом, большими окнами и выходящей прямо в сад полукруглой террасой, жила счастливая семья. Детки в белых штанишках и платьицах бегали по зелёной лужайке и брызгались из маленького круглого фонтана с чудесной мраморной фигуркой гречанки посередине, а мама и папа пили кофе из изящных чашечек и нежно смотрели друг на друга, сидя за овальным, накрытым к завтраку столом. Почему-то больше всего поразила маленькую Лильку этот стол: серебро сервировки, поблёскивающее в лучах утреннего солнца, и ослепительно-белая, крахмальная скатерть, которую колыхал лёгкий летний ветерок. А дальше, по ходу фильма, — ещё одна сцена томительным несбыточным желанием врзалась в сердце маленькой Лильке: вся семья куда-то шла, родители держали детей за руки, все были нарядно одеты. Мужчина — усатый красавец в сером цилиндре и в сюртуке-визитке, в лаковых штиблетах с тросточкой, всё с той же любовью и восхищением, что и в начале, смотрел на обворожительную красавицу-жену в летнем платье кремового цвета с летящими лентами, кружевами и цветами и шляпой в тон, завязанной сбоку, под подбородком, изящным шёлковым бантом. Лилька, как загнипнотизированная, не могла оторвать от экрана взгляд! Так и сидела с открытым от изумления ртом на стуле около телевизора, хотя фильм уже кончился. Неужели это существует на свете?..

— Ты что? — улыбнулась мать. — Уже поздно. Пора спать.

В эту ночь Лильке снилось, что она принцесса в воздушном розовом платье и идёт куда-то с улыбающимся, похожим на отца великаном, только великан добрый и держит её за руку, чего отец никогда не делал. Отец редко выходил с ними, а если они и шли куда-то вместе — всё равно ничего хорошего не получалось. Всегда случался скандал, потому что он непременно искал, где бы выпить, а Лильке так хотелось идти, взяв их обоих за руки, чтобы все вокруг видели: у неё тоже есть отец и какая у них счастливая семья!

Девочка твёрдо решила сбежать отсюда, из этого города, навсегда. Вырваться из этой беспросветной, серой жизни. Она чувствовала себя Алисой. Ей казалось, что где-то есть Страна Чудес, где исполнятся все её желания! Поэтому училась хорошо. Была

старательной. Какие ж чудеса могут произойти с троичницей?! Да и лучше всего ей было в мире книг и контурных карт.

Настали девятые. Советский Союз стремительно начал разваливаться на составные части. Прибалты первыми стали рваться прочь. Национализм в Эстонии к тому времени зашкаливал. От всего этого хаоса и неразберихи, которые происходили со страной, Лилька совершенно одурела. Как-то она прочитала объявление в газете: в Германии, в немецкую семью требовалась нянька детям. Обещали визу, проживание и учёбу: *au-pair-Mädchen*¹, или, иначе, *Kindermädchen*². Так она теперь будет называться! В школе Лилька как раз учила немецкий. Недолго думая, она написала по указанному в газете адресу. Рассказала, что закончила школу, знает неплохо язык, располагает к себе детей и легко ладит с ними. Добавила, что хотела бы учиться в Германии. Немцы молниеносно прислали положительный ответ, а затем и приглашение. Сомнения отпали. Лилита — это было её полное имя — в одну ночь, поплакав для порядка, приняла решение и — сбежала! До последнего не говорила ничего матери. Знала, что не пустит.

Когда самолёт взмыл в небо, взяв курс на Франкфурт, она вдруг с жалостью вспомнила растерянные глаза матери и всю её беспомощную фигурку в проёме открытой двери. Тряхнула головой, отгоняя воспоминания, всё пыталась сглотнуть предательский ком в горле. Нет! Не сейчас! Она не хочет об этом думать!!! Закончилось её безрадостное детство, и все несчастья пусть останутся в прошлом. Впереди её ждёт новая прекрасная жизнь!

Германия поначалу показалась ей раем: именно той землёй обетованной, о которой грезил она на своём топчанчике в углу, в Тарту, горестно слушая, как в соседней комнате громко ругались отец с матерью. «У меня всё будет по-другому, — думала Лилька, крепко прижимая к себе своего единственного друга, медвежонка. — У меня будет красивый, умный, добрый муж, чудесные дети, просторная столовая, большой стол с крахмальной скатертью, уютный дом и много друзей! Мы будем путешествовать, путешествовать. Я увижу весь мир...» С этими мыслями она благополучно засыпала. Медведь был грязно-розового цвета. Когда мать однажды попыталась постирать его, Лилька не смогла заснуть и, прокравшись, схватила ещё не высохшего медведя. Так с мокрым и уснула.

Лилита попала, как ей сначала показалось, именно в такую идеальную семью: дом, двое детей-близнецов — мальчик и девочка, хозяева — воспитанные, образованные немцы. Муж — работник банка, жена — врач в глазной клинике. Хозяйские дети были довольно противные, но послушные. У обоих были густые белые волосы и водянистые холодные голубые глаза. Лилита на удивление быстро научилась справляться с детьми. Родители давали близнецам задание: дети делали уроки, Лилька проверяла ошибки. Близнецы пытались её подловить, но Лилька важно брала орфографический словарь или учебник грамматики и показывала, тыкала носом. Киндеры недовольно сопели, потому что Лилька всегда оказывалась права. Не зря же в школе по немецкому у неё было «отлично». Один Бог знает, почему ей легко давался этот гортанный, малосимпатичный и трудный в произношении язык... Дети заужали Лильку, стали слушаться её беспрекословно и ходили за ней, как хвостики. Дети — жестокие существа. Впрочем, это лишь маленькая модель взрослого мира. В них ещё видно то, что потом, во взрослом состоянии, уходит внутрь. Уважают только сильного, умного. Уважают только того, перед кем отступают, кто одерживает вверх. Кто доказал своё право на место под солнцем.

Со временем что-то в этой новой благодатной обстановке стало её напрягать. Какое-то смутные подозрения тяготили её, она постоянно наталкивалась на нечто непонятное, что пока ещё не проявлялось, но будто витало во всей атмосфере дома и странном поведении его хозяев: лёгкой недосказанности, в том, как они замолкали, прерывая при её появлении оживлённый диалог. Их отношение к ней как к няне детей ничем особо не отличалось от общепринятого в немецком обществе отношения к такого рода персоналу — такое же строгое, но доброжелательно-ровное, вежливое. Немного странной ей показалась кирха, в которую семья ходила по воскресеньям. И в этом, на первый взгляд, тоже не было ничего необычного.

Лилька была православная. Мать окрестила, отцу было всё равно. У матери был знакомый священник. Такого имени — Лилита или хотя бы Лиля — в святках не оказалось, поэтому при крещении ей дали имя Лия. Власть это все не приветствовала, поэтому священник согласился провести обряд дома. Мать как-то сказала Лильке:

¹ *Au-Pair-Mädchen* (нем.) — живущая в семье и помогающая по хозяйству девушка-иностранка. Одновременно она совершенствует язык, а затем поступает в университет и уходит от хозяев.

² *Kindermädchen* (нем.) — няня.

— У тебя ангел на правом плече...

— Где? — пыталась увидеть, своротив голову на сторону, маленькая Лилита.

— Да вот же он! — мать улыбалась, целуя дочкино плечико. — Ты всё ему говори, обо всём проси — он поможет.

Молитве научила: «Ангел мой! Хранитель мой! Храни моё тело, крепи моё сердце! Аминь». Мать водила Лильку в храм настолько часто, насколько получалось. А иногда они уходили и долго гуляли по городу, чтобы не видеть, как дома бесновался пьяный отец. Почти всегда после долгих блужданий ноги их приводили в церковь. Иногда они попадались на глаза матушке Наталье, и она их приглашала в дом. Священник, отец Николай, утешал и успокаивал маму, а девочка играла во всякие незнакомые увлекательные игры с добрыми детишками священника, которые сильно отличались от других детей с её улицы. А иногда старший мальчик Артемий читал притихшим малышам сказки. Лилька всегда ждала, когда будет счастливый конец, и тогда вскакивала и от избытка чувств подпрыгивала и хлопала в ладоши. Принцесса вышла замуж за принца! Ура-а-а!!!

Но однажды она услышала сказку, которая повергла её в рыдания. Это была сказка о стойком оловянном солдатике. Она долго не могла забыть эту историю, рыдала и горевала о погибшей в огне танцовщице и бедном одноногом солдатике. Мать утешала впечатлительную девочку, а сама думала о том, что, должно быть, нелегко её дочурке будет, когда та вырастет, смириться с мыслью, что принцев-то в действительности почти нет, а потом и те, что есть, со временем превращаются из красавцев в настоящих чудовищ. Вот именно в этой последовательности.

— Мам! Но ведь это только сказка? У меня так никогда не будет? Так жалко! Солдатик ведь так любил танцовщицу!

— Нет, конечно, — мать гладила её по головке. — У тебя будет всё хорошо. Ты встретишь прекрасного принца, и вы будете жить долго и счастливо.

Хотя Лилька и была крещена по православному обычаю, но в Тарту иной раз, гуляя по городу, заходила в католический собор во время службы. Однако эта церковь, куда она ходила с немцами, была какая-то непонятная. На церковь-то не похожа. Какое-то шоу! Современное. Несколько агрессивное даже. Здание, в котором она располагалась, — с огромным залом, как концертный. Священник — вроде как и не священник вовсе. Фатоватый, с приглаженными блестящими волосами, с ослепительной улыбкой, в чёрном «с искоркой», несколько обуженном костюме, с чересчур живыми для священника глазами, смотрящими из-под постоянно приподнятых от радостного возбуждения бровей. В процессе своей проповеди он всё выкрикивал и выкрикивал какие-то (судя по всему, знакомые всем присутствующим в зале) изречения, потому что все хлопали, повторяли вслед за ним, воздевая руки в едином порыве: как бы подхватывая пушечную в них с возвышения энергию.

Когда Лилька как-то раз осталась одна в доме и обходила комнаты, то увидела, взглянув в спальню к хозяйке, странный крест. «Необычный... Не похож на католический», — удивилась тогда она. На кресте, в перекрестье, располагался ещё один крест поменьше. «Роза ветров какая-то!» — настороженно подумала Лилька, начиная догадываться. Повсюду она натыкалась на непонятные, загадочные символы. Два треугольника, соединённых латинской буквой «S». У себя в комнате через недолгое время она обнаружила книжки: «Дорога к счастью», «Дианетика». Их автором был какой-то Л. Рон Хаббард.

Лилька заинтересованно по вечерам стала листать их, пытаясь разобраться, но так ничего и не поняла: сайентология — это наука или всё-таки религия? Автор горячо и убеждённо утверждал, что это — и то, и другое! На Лильку всё это произвело впечатление чего-то фантазмагорического. Надо было в этом разобраться. Под книжку легко было засыпать. Лилька, за день набегавшись с детьми по теннисам и плаваниям, бесчисленным детским университетам и французским академиям, где они что-то учили, слушали чьи-то доклады, играли в шахматы, лепили, рисовали, делали оригами и бог знает ещё что, с непривычки уставала. Но и всего этого её подопечным казалось мало — и шустрая Кирстен пыталась ещё успеть «подолбить» на электрическом пианино, а второй близнец, не менее гиперактивный Торстен, так же рьяно и самозабвенно фальшивя, играл на дудке. Можно было оглохнуть от всей этой какофонии! К ночи она совсем выматывалась и почти без сил добиралась до койки.

Лилька была рада переключиться и почитать что-то отвлечённое, как она думала, фантастическое. Листая книжку о странной религии, из введения она узнала, что означал этот непонятный крест в спальне хозяйки — фрау Нойманн. Оказалось, что восемь оконечностей креста («сайентологический крест представляет собой дважды перечёркнутый по центру восьмиконечный крест») символизировали «восемь дина-

мик», или восемь степеней выживания, имеющих у каждого человека, в том числе — стремление к выживанию в качестве духовного существа, а также стремление к выживанию в качестве божественной сущности. Хаббард описывает выживание как удаление от смерти и приближение к бессмертию.

Смысл этих восьми динамик, как поняла Лилька, сводился к стремлению человека к выживанию. Индивидуально. Группами. За счёт части человечества. Хоть птицами, хоть рыбами, хоть гадами морскими. Всеми возможными способами. Пройдя все эти ступени опыта и самосовершенствования духа, человек, как утверждал автор, превращается в высокодуховное существо, и перед ним, как красная дорожка, простирается сама вечность, то есть бесконечность. Под это дело подводилась база, диалектика.

«Первая динамика — это стремление к выживанию самого себя. Вторая динамика — это стремление к выживанию посредством секса и семьи, воспитание детей. Третья динамика — это стремление к выживанию в качестве группы. Четвёртая динамика — это стремление к выживанию посредством всего человечества и к выживанию как части всего человечества. Пятая динамика — это стремление к выживанию посредством форм жизни, таких как животные, птицы, насекомые, рыбы и растения. Шестая динамика — это стремление к выживанию посредством физической вселенной, которая состоит из материи, энергии, пространства и времени. Седьмая динамика — это стремление к выживанию в качестве духовных существ или в качестве духа. Восьмая динамика — это стремление к выживанию посредством Верховного существа или посредством Бесконечности».

Пока всё это напоминало какую-то новую игру, правила которой Лильке было интересно узнать. Не зря же в школе она была отличницей!

Символом сайентологии были два треугольника, соединённые латинской буквой S. Каждая из вершин треугольников что-то обозначала: «Общение», «Знание», «Контроль», «Ответственность»... Латинская же S, которой треугольники были скреплены, означала слово «Scientology». Как утверждал сам основатель, оно было им создано путём слияния двух слов: латинского «scio», которое означает «знание», и греческого «logos», которое означает «слово». Проще говоря — соединение во внешнюю форму полученного знания внутренней мысли, для её выражения и сообщения вовне.

Постигающим теорию рекомендовалось постоянно увеличивать с помощью предлагаемых практик своё знание жизни, а также чувство ответственности за неё и контроль над нею. «Вообще-то всё достаточно логично! Ну и что здесь нового?» — подумала озадаченно Лилита. Действительно, все мы, ещё с рождения, постепенно узнаём, что такое хорошо и что такое плохо. Все мы увеличиваем знание жизни, растём, набираемся опыта, совершаем намеренно или по неведению ошибки, учимся признавать их и больше не повторять — и тогда приходит взрослое, осознанное чувство ответственности за свои поступки.

Позже Лилька прочтала в одной статье, что сайентология есть система верований в то, что люди — бессмертные «тэтаны»¹ с вечной судьбой в Бесконечности. Посредством религиозных практик тэтаны освобождаются от тяжёлых воспоминаний — «инграмм»² (что более или менее соответствует иудаистскому и христианскому представлению о грехе). По всей Америке созданы многочисленные клубы по изучению дианетики, в которых многоступенчатая система «курсов совершенствования личности» предполагала многолетнее продвижение «совершенствующейся души» от нулевого уровня до сто десятого.

Постепенно вчитываясь в текст, Лилька поняла, что изначально дианетика задумывалась как некая «новая психотерапия», и вовсе не предполагалось, что она заложит основание для религии. Сайентология берёт начало из дианетики — принципов и методов, которые Хаббард изложил в книге «Дианетика: современная наука душевного здоровья», выпущенной в 1950 году. В книге излагалась теория Хаббарда о причинах нерационального поведения и психосоматических заболеваний, а также предлагались различные методы детоксикации, очищения организма от радиации, к которым относятся приём биологически активной добавки — ниацина³ (который, по мнению Хаббарда, способствует выводу из организма токсинов), сауна, бег трусцой и «терапия» (так называемый «одитинг»⁴). Всё это для того, чтобы избавиться от вероятных про-

¹ Тэтан (*англ.* thetan) — сайентологический псевдонаучный термин, подразумевающий непосредственно личность, духовное существо. Согласно данной концепции, тэтан — не разум и не тело, а тот, кто осознает, что он осознает, то есть индивидуальность...

² Инграммы (сайентологический термин) — тяжёлые воспоминания прошлых жизней, составляющие реактивного ума, которые мешают человеку совершенствоваться.

³ Ниацин — один из восьми витаминов группы B, важных для всего нашего организма.

⁴ Одитинг (*англ.* auditing — проверяющий; от *лат.* audire — слушать) — важнейшая практика в сайентологии, представляет собой общение один на один клиента («преклира») с сайентологическим консультантом («одитором»).

блем психологического и психосоматического порядка.

А уже позже наука, как вначале позиционировал дианетику сам Хаббард, превратилась в религию. Доктрина сайентологии впитала в себя некоторые стороны ведийского учения, буддизма, иудаизма, гностицизма, даосизма, учений древнегреческих мыслителей. В ней в очень малой степени проглядывают и элементы христианства, в большей — философии Фридриха Ницше и психоанализа Зигмунда Фрейда, «Тайной доктрины» Блаватской и «Живой этики» Рериха. В основу сайентологии легло представление о том, что духовная сущность человека способна отделяться от тела и проживать жизнь за жизнью в разных телах. О Боге говорится как о «Восьмой динамике» и бесконечности, охватывающей «всеобщность всего».

Таким образом, представления сайентологов близки к представлениям восточных религий, но почти не имеют точек соприкосновения с христианством. Философия сайентологии отражает индивидуалистическое западное сознание, во главе угла которого лежит совершенствование своего эго. В сайентологии размыто, отсутствует понятие Бога как такового: человек, в сущности, приравнивается к Богу.

Работодатели Лилиты оказались сайентологами.

Глава II. ИСКУШЕНИЕ И ПРОЗРЕНИЕ

Однажды хозяйка, Мартина, пригласила Лильку на лекцию по основам сайентологии. На сцене за кафедрой воодушевлённо исходил красноречием видный седовласый господин с несколько непослушной львиной шевелюрой, какую обычно носят маститые художники. Он чем-то напомнил Лильке Бетховена, портрет которого висел у них в школе на стене в музыкальном классе вместе с другими портретами композиторов, и учительница разучивала с ними: «Из края в край вперёд иду, и мой сурок со мной...» — старательно надавливая на клавиши и крелясь всем корпусом, как будто хотела опрокинуть, наконец, ветхое пианино марки «Красный Октябрь». Инструмент жалобно дребезжал и кренился вместе с ней, а все дети старательно и широко открывали рот.

Глаза докладчика воинственно посверкивали. Он с профессиональной одержимостью, энергично и без сбоев излагал свою, на первый взгляд для неподготовленного слушателя — совершенно сумасшедшую, теорию. Патетичность предлагаемых слоганов будто вернула Лильку в недавнее советское прошлое. Говорил он таким голосом, словно провозглашал с трибуны лозунги, обещающие счастье и всеобщее процветание. Лильке вспомнились телетрансляции со съездов КПСС и программа «Время». «Прямо как наши», — подумала она с иронией.

Мартина втолковывала всю обратную дорогу уставшей Лильке, что основа основ — точка зрения, и от неё можно простирает другие точки, простирает рубежи за рамки других рубежей. «Квантовыми скачками!» Этот шаг ведёт в Бесконечность! У Лильки в голове всё смешалось. В ушах у неё звучало, как лектор цитировал слова этого Рона Хаббарда: «Следующие твои триллионы лет зависят от того, что ты делаешь здесь и сейчас!» Зал взрывался аплодисментами. Лилька с интересом оглядывала тех людей, которые находились в поле зрения. Вполне состоятельные менеджеры среднего звена, тётки-интеллектуалки... Какая недёкая занесла их сюда? Скука? Пресыщенность? Желание испытать острые ощущения? Принадлежать к чему-то, как они считали, «элитарному»? Странно всё это... А может быть, действительно это — что-то настоящее, и они подошли ближе к истине, раскодированию загадки мироздания? Кто такой человек? Откуда он? Что он может? Есть ли дальше другие жизни? И кем ты будешь в них?

Эти люди кажутся такими счастливыми, знающими какую-то тайну, принадлежащими к чему-то ещё незнакомому ей, они — вместе! Она тоже хотела быть с кем-нибудь вместе, тоже хотела что-то значить, быть полезным винтиком в общей большой машине, нет, в поезде, нет — на белом теплоходе, который, рассекая просторы океанов, плывёт верным курсом — к солнечным островам Счастья и Истины, Познания и Добра!

Как-то вечером, когда близнецы были уже в постели, Мартина постучала к Лильке в комнату и позвала, заговорщически улыбаясь, присоединиться к ним в столовой.

— Давай! Пойдём! — тянула она за руку упирающуюся Лильку, которая отнекивалась и говорила, что устала и хочет пораньше лечь спать. — Я тебя познакомлю с потрясающими людьми — нашими друзьями. Гарантирую! Вечер будет для тебя интересным!

Лилька несмело вошла в комнату. Свет в гостиной был притушен. Горели только свечи — на столе и в толстых подсвечниках по обеим сторонам от креста. Окна были занавешены. Негромко, чтобы не нарушать таинственной атмосферы, играла восточная этномызыка. Витали пряные ароматы, напоминающие индийские специи.

...Лилька вспомнила, как они с девочками бегали в только что открывшийся ин-

дийский магазин, чтобы поглазеть на всякие диковинки, кожаные яркие кошельки и сумки с нарисованными слонами и голыми до пояса танцовщицами. Единственное, что они могли купить там на свои накопленные деньги, — это источающие такой экзотический, сказочный аромат сандаловые палочки. Лилька прибежала тогда домой, зажгла палочку и закрыла глаза... Вот она уже плывёт, покачиваясь, сидя под балдахинном на троне, в такт движению слона, одетая в розовое сари, с накинутым на волосы золотым полупрозрачным покрывалом, вся в сверкающих, бесчисленных драгоценных браслетах на ногах и на руках, и на лбу у неё круглое пятнышко — отметина касты.

— Что это ты жжёшь? Что за гадость ты нюхаешь?

Она задремала и вздрогнула от окрика. Слоны и платё исчезли, и с испугом она увидела склоняющееся над ней гневное, всё в красных пятнах лицо отца. В нос ударил запах спиртного.

— Что это, я тебя спрашиваю?

— Это индийские ароматы, — тряслась, зажмуриваясь и вдавливаясь в кресло, испуганная Лилька.

— Где ты взяла эту дрянь? — не унимался отец. — Выросла дочурка! Материна порока. Всё наряжаться, плясать, духами обливаться, нюхать всякую мерзость! Так и до наркотиков недалеко! — отец грозно придвинулся и навис над съёжившейся в кресле Лилькой. — А-а-а! Вот и твоя мамаша. Слышь, Ирэна! Твоя дочурка докатилась, наркотики уже нюхает!

— Перестань, Айвар! — мать только что пришла и с разбега, оценив ситуацию, но ещё ничего толком не поняв, подскочила и закрыла собой Лильку, отстранив мужа. Осмотрелась и, увидев импровизированную курильницу, поняла, из-за чего буря. Улыбнулась и, обняв, погладила по голове дочку. — Что ты говоришь! Это просто для хорошего воздуха в квартире. У Лиины такие же.

Лиина была соседкой и подругой жены. Своя. Эстонка. Отец поостыл.

— Да? Ну и ну... Придумают невесть что! А ты ей потакаешь!

И вот теперь она вновь ощутила аромат сандаловых палочек из детства. Звучала непривычная музыка пронзительного инструмента — не такого мелодичного, как эстонские гусли, кантеле, а, пожалуй, ближе к сямисэне¹ (позже Лилита узнала его название: ситар²), — будто поблизости, в роще, налетевший с моря ветер звенит в кронах пальм, играет в рыбацких снастях, скрипит дверью ветхой хижины. Усиливали звучание ситара разнотональные ритмические рисунки индийских барабанов табла и дуги, вводящие — то как бы трущими, то отскакивающими полыми звуками повторяющихся ритмов — в благодный транс. Восточная сладость благовоний, полутьма гостиной, пляшущие на стенах тени — всё придавало происходящему какую-то мистическую атмосферу, добавляя к предвкушению ещё неосознанного, неизвестного желание тоже принадлежать к этой всезаполняющей радости, к познанию новой Вселенной, потребность вечно слушать эту дивную музыку, казалось, извлекаемую из самой природы. Будто она всё это уже когда-то видела, но где?

Лилька заслушалась и не могла настроиться на общий разговор, занимающий всех в гостиной, но потом вспомнила, о чём уже узнала на лекции и прочитала в книжках, подложенных Мартиной к ней в комнату. А рядом с ней в это же время молодые люди, всё более разгораясь от выпитого странного напитка (похожего на горький лимон, но с добавленной и портящей вкус, приторной сладостью), который подливали и Лильке, заумно рассуждали об иных мирах, звездолётах. О бессмертных тэтанах, с вечной судьбой в бесконечности, которые существовали в многообразии других тел, предшествующих нынешнему. О так называемой реинкарнации, перерождении множество раз в иную астральную сущность. О чудесных последующих жизнях, которые у них ещё будут, если идти путём, указанным учителем. Говорили они об этом увлечённо, со знанием дела, вполне авторитетно, как о давно известной истине. Абсолютно серьёзно эти взрослые, занимающие определённое устойчивое положение в обществе люди рассуждали о Ксену, галактическом властелине, который высвободился со своими приверженцами из ловушки времени и теперь сеет хаос среди землян, шатает устои. Он является причиной падения морали и экологической катастрофы, кровопролитных войн, радиоактивного заражения Земли... Земле угрожает опасность!

«Какие-то легенды и мифы Древней Греции», — про себя думала Лилька, попивая напиток, который ей подливал Оливер, сослуживец хозяйина дома, Свена. Всё это было так необычно! Так захватывающе, что хотелось во все эти мифы верить! Ей было немало не по себе, было отчего-то жарко. Ей показалось, что она пьянеет.

¹ Сямисэн (япон.) — трехструнный шипковый музыкальный инструмент с безладовым грифом и небольшим корпусом, общей длиной около 100 см. Наряду с бивой, кото и сякухати относится к важнейшим музыкальным инструментам Японии.

² Ситар — многострунный музыкальный инструмент, используемый для исполнения индийской классической музыки.

— Там алкоголь? — Лилька показала на коктейль.

Мартина отрицательно качнула головой и приставила палец к губам, чтобы Лилька не задавала глупых вопросов и не прерывала рассказчика, стоявшего в центре комнаты. Видно было, что все они относились к нему с необычайным почтением. Справедливости ради, надо сказать, что и вправду в незнакомце, появившемся незадолго до этого в комнате, казалось, ниоткуда и стоящем сейчас между двумя свечами под крестом, — а Лилька в это время была занята разговором с Оливером и не заметила его «материализации», — было нечто примечательное! Гордая посадка головы, львиная грива волос, пронизательный, словно выходящий тебя до дна души, взгляд! Чувствовалась в нём какая-то порода, сила: обаяние власти — как будто для него было обычным делом подчинять себе других и превращать в один сплошной слух! Это был тот самый лектор. «Бетховен!» — узнала Лилька. А говорил он отнюдь не глупые и очень интересные вещи:

— История сайентологии восходит к религиям синто¹, история которых насчитывает свыше 1400 лет. Наш учитель только осовременил некоторые обряды, создал ритуалы для исцеления души. Человек может достичь состояния «клир»², только освободившись от воздействия того, что мы называем реактивным умом. Это можно сравнить с состоянием сатори³ или найкан⁴ в буддизме. В некоторых религиях синто человек размышляет под руководством учителя о том, что он пережил в детстве или в прошлых жизнях, для того чтобы задуматься о пути, на котором он находится в настоящем...

Человек продолжал говорить, но Лилька напряглась, кровь ей ударила в голову, и дальше она плохо слышала. О своём детстве ей не хотелось рассказывать никому!

— Одитинг также можно описать как размышления о своём прошлом. Это даёт преклиру, клиенту, общающемуся с саентологическим консультантом — одитором, возможность анализировать и понимать текущее положение вещей...

Лилька услышала «одитинг» и вышла из состояния ступора.

— Но во время христианской исповеди человек так же обращается к своему прошлому? — подала голос Лилька.

Все посмотрели на неё с осуждением, как будто она сделала что-то ужасно неприличное, но лектор спокойно улыбнулся и продолжал:

— Да! Одитинг — это своеобразный обряд исповеди. Человек должен ознакомиться со своим прошлым другого человека и исповедоваться. Результат одинаков в обеих религиях: совершенствование души и возрождение к жизни, — авторитетно заявил ей оратор.

— А Бог? — невольно вырвалось у Лильки. — Как может человек исповедоваться человеку? Он только проводник, через которого его слушает высшая сила, Господь?

Лектор, казалось, был теперь несколько раздражён тем, что с ним продолжают дискуссии и сбивают с мысли.

— Сайентология делает упор на совершенствование духовных возможностей самого человека, — терпеливо разъяснял лектор, оглядывая сидящих. — Вы, как я понимаю, ещё только хотите познать наше учение?

— А у вас есть Бог?

Все зашикали на Лильку.

— Человек сам и есть Бог! Конечная наша цель — умиротворить душу человека, чтобы он мог вернуться в состояние, подобное Богу. Человек через одитинг получает не только духовное просвещение, но и духовную сущность! — подытожил «Бетховен».

— А-а-а! — протянула Лилька, и было неясно, убедил ли её лектор. Повисла неловкая пауза. Неловкость снял сам профессор, поняв, что он, видимо, не достиг своей цели.

— А вы, фройляйн? Какие качества и способности вы хотели бы развить и улучшить в себе? Насколько хорошо вы понимаете саму себя? Есть ли у вас друзья? Каковы ваши жизненные цели?

— Я хочу поступить в университет! — выпалила Лилька, как будто у неё отнимали эту мечту.

— Похвально, похвально! — «Бетховен» снисходительно улыбнулся. — Получить

¹ Синтоизм, синто (япон. — путь богов) — традиционная религия в Японии. Основана на анимистических верованиях древних японцев.

² «Клир» (англ. clear — чистый) — так в сайентологии называется состояние или статус человека, который освобожден от пагубных последствий череды жизней, когда человек больше не расстраивается из-за когда-то случившегося с ним.

³ Сатори (санскр. дхьяна; япон. дзэн) — в медитативной практике внутреннее персональное переживание опыта постижения (озарение) истинной природы (человека) через достижение «состояния одной мысли».

⁴ Найкан (япон.) — метод рефлексии, разработанный Исином Ёсимото (1916-88), бизнесменом и приверженцем буддизма школы Дзёдо-синсю.

образование — это достойная цель. А потом?

— Я хочу иметь счастливую семью, доброго, умного мужа, большой дом. Много детей, и чтобы крахмальные скатерти в столовой.

— Ну, это понятно, — мягко остановил Лилькин «поток сознания» лектор. — А любовь? Вы хотите любить человека — вашего будущего мужа, которого, я в этом насколько не сомневаюсь, вы встретите на своём жизненном пути?

— Любить? — Лилька задумалась. Она не очень понимала — что это такое? Любить? Быть вместе. Рядом. Уважать. Быть верной. — Да! Я хочу любить, разумеется. Конечно!

— Мне кажется, что вы больше хотите красивый дом? Нет? — лектор лукаво улыбнулся, вопросительно выгнув бровь.

— Ну и это тоже... — Лилька замолчала в смятении. Этот лектор её совсем запутал. — Я не знаю, что такое любовь, но ведь это придёт? — Лилька с надеждой посмотрела на человека с львиной гривой.

— Чтобы она пришла, нужно быть к ней готовой! Нужно работать над собой, познавать в первую очередь себя, расширять своё духовное пространство, развиваться, находить людей, близких тебе по духу! — всё это учитель говорил Лильке, как заблудшему, неразумному ребенку, и ей хотелось ему верить. Слушаться. Подчиняться. — Готовы ли вы к этому?

— Да, — еле слышно произнесла, как загипнотизированная, Лилька. «Бетховен» облегчённо вздохнул.

— Ну вот, милая моя... Поздравляю! Можно сказать, что вы прошли ваш первый аудитинг!

За всё время этого диалога с лектором Лилька забыла, что она была не одна в комнате. Все как будто испарились из её сознания. Был только он — с мечущими молнии глазами, с властным, прямо-таки громоподобным голосом, который пробирал до дна души. У Лильки побежали мурашки. Она слышала только его, как замороженная, не отрывала от него восхищённого взгляда. Он виделся ей каким-то сверхсуществом и будто сиял в отблесках горящих свечей, между которыми он стоял. Тут только Лилька осознала, что комната полна людей, и все улыбаются сердечно, обнимают и поздравляют её. Ей показалось, что все её любят, что все они — её друзья, и она не одна! И как хорошо быть вместе с ними, в этой компании! Лилька была готова поверить в этот момент во что угодно. Она благодарно принимала поздравления — и ей казалось, что это был самый лучший вечер в её жизни.

Проснувшись Лилька в предрассветную рань. Птицы в туманном, ещё полутёмном саду за приоткрытым окном принаравливались заговорить, лениво переключаясь, брали то слишком высоко, то низко. Лилька раздумывала над тем, что с ней вчера произошло. Перебирала минуту за минутой. Не шло у неё из головы то, о чём вещал оратор с львиной гривой. Сегодня это уже не вызывало в ней такого восхищения и экстаза. В голове сильно звенело. Надо спросить у Мартины — что это был за напиток, который они пили?

Лилька задумалась: человек исповедуется человеку. Пусть и более умудрённому, более чистому — «клиру», но как же Бог? Это никуда потом не идёт? Вспомнился Достоевский, слова Ивана Карамазова: «Если Бога нет, то всё позволено». Она закрыла глаза и представила их православную церковь в Тарту: маленький бедный приход, жидкий, благостно поющий церковный хор, которому подпевала немногочисленная паства. Она вспомнила, как приходила на исповедь к отцу Николаю, рассказывала ему горькие моменты детства: про пьяного отца, про полную отчаяния мать. Лилька зарылась лицом в подушку, слёзы текли струйками по щекам. Подушка-подружка... «Господи! Помилуй, меня, грешную!»

«Основной догмат сайентологии состоит в том, что мир обречён на уничтожение. Сайентологи утверждают, что Рон Хаббард разработал единственно возможный путь к спасению. Позвольте! А как же духовные пути, пройденные подвижниками христианства, оставленная ими мудрость? А глубоко почитаемые в православии святые, о которых она слышала на проповедях отца Николая: Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Спиридон Тримифунтский, блаженная Ксения Петербургская?» — думала Лилька. Из искренних, проникающих в самую душу, безыскусных повествований священника она помнила о добродетелях любви, долготерпения, кротости, чистоты, молитвы, смирения, нестяжательства и многих других. Каждая из этих добродетелей и есть особенный путь к спасению!

«В дианетике же, — рассуждала сама с собой Лилька, — Хаббард описал «способ раскрытия неиспользуемых интеллектуальных способностей и гениальных возможностей человека». Он понимает человеческое здравомыслие как банк данных — то

единственное, что способно решить все проблемы, если обеспечено полной и правильной информацией. Работу сознания Хаббард рассматривает через функционирование двух частей: аналитического ума, ответственного за решение жизненных проблем, и реактивного ума, хранящего чувственные записи болезненных событий, инграмм (помехи на пути решения жизненных вопросов и причины психологических проблем). Целью дианетики является «удаление» инграмм. В результате «процесса очищения» предполагается появление индивидуума со сверхчеловеческими способностями, свободного от каких-либо физических и умственных расстройств, так называемого «клира»...

В последующие недели Лильку стали активно посвящать в тонкости сайентологии. «Уютные» вечера, обязательной составляющей которых были новые главы из «Дианетики» и восторженные фантастические повествования, походы в странную церковь, и ещё — все они регулярно проходили процедуру одитинга. Проводилась она при помощи электрического аппарата, называемого электропсихометр (или, иначе, Е-метр). Все в один голос расписывали непередаваемые ощущения освобождения, очищения, радостной лёгкости.

— А от чего чувствуешь освобождение? — пыталась поподробнее вызнать Лилька.

— С тобой работает одитор. Он на много уровней совершенствования личности превосходит тебя! Он задаёт тебе вопросы о твоей жизни, и ты, к удивлению своему, начинаешь вспоминать всё — вплоть до того, что ты чувствовала в минуту своего собственного рождения на свет!

— Как это возможно? — удивлялась Лилита.

— Ещё как возможно! Ты даже будешь рассказывать о других жизнях, о других сущностях, в которых ты жила. Может быть, ты была священником, или шаманом, или королевой, или мушкетёром, — и ты это вспомнишь!

Оливер немножко отстранился от Лильки, чтобы полюбоваться эффектом, который произведут его слова. Реакция девушки разочаровала его. Лилька неуверенно улыбнулась и попыталась сделать вид, что поверила во всю эту фантастику.

Сайентологи утверждали, что человек, продвигаясь всё выше, совершенствуясь духовно, если захочет, способен узнавать прошлое и провидеть будущее. В один из дней, когда дети были ещё в школе, они пили кофе с Мартиной, и вдруг та поставила два стула один напротив другого.

— Вот сядь напротив меня, — предложила она Лильке.

— Зачем?

— Сядь! — в голосе Мартины звучало нетерпение. Лилька села. — Закрой глаза, а я сяду напротив тебя. Попробуй почувствовать меня. Прочитать мои мысли, — они посидели. Лилька ничего не почувствовала. — А я знаю, что ты думаешь!

— Что? — взволнованно спросила девушка.

— Ты думаешь, что всё это бред, — натянуто рассмеялась Мартина, — Лилька покраснела. — Угадала? Но ты ошибаешься!

Мартина скептически поглядела на Лилиту так, что та съежилась. Поняла, что Мартина недовольна. Взгляд её мелких, близко посаженных глаз, ставший в одно мгновение жёстким, стальным, выдавал мысли хозяйки, а были они невесёлыми: «Сколько они ни бьются с этой эстонской деревенщиной, толку всё не выходит. Хитрющая девчонка ничему не верит и, наверное, втихую посмеивается над ними. Не так она проста, как на первый взгляд кажется. Они преждевременно зачислили её в новообращённые. Раскрылись перед ней. Профессор Орт, конечно, поработал с Лилитой, но это не произвело на неё должного впечатления, не убедило окончательно и бесповоротно! Пожалуй, её нельзя отпускать. Они уже достаточно рассказали ей. Надо ещё попытаться. А если не получится... Неужели Свен был прав? Надо попробовать одитинг. Добьются ли они этим ожидаемого результата?»

Мартина была вне себя! Лилька ускользала от них, как намыленная. Тем не менее хозяйка постаралась взять себя в руки и напустила вид умудрённой, доброжелательной, ни к чему не принуждающей подруги, широко смотрящей на вещи.

— Ладно. Сменим тему. У тебя сегодня ведь занятия? — Мартина почти проворковала эти слова приторным голосом, что не вязалось с холодным, несколько презрительным выражением её глаз... — Я тебя отвезу. Будь готова к шести.

— Спасибо.

Два раза в неделю Лилька ходила на подготовительные курсы в университет. В этот раз Мартина была особенно неразговорчива. Как только Лилька вышла из машины, она дала газ и улетела, не сказав ни слова.

— Ну как тебе твой? Не обижают? — спросила соседка по парте Лена, тоже няня.

— Да нет. Только своеобразные немного.

— А что такое? — заинтересовалась Лена. Лилита рассказала. — Ты что, с ума сошла? — ахнула Лена.

- Прошу тишины! — шикнула преподаватель.
- Тебе бежать от них надо! — шептала Лена ей в ухо.
- Почему? Они милые.
- Это же секта!

Лена где-то раздобыла и принесла Лильке книжку, в которой сайентология жёстко критиковалась и была прямо названа опасной сектой.

Лилька ехала в автобусе с близнецами на шахматные занятия, которые проходили в еврейском культурном центре. Обучал древней логической игре «потомков арийцев» старый еврей Лев Маркович — ветеран войны, полковник медицинской службы в отставке. По приглашению немецкого правительства он переехал на постоянное место жительства в Германию да ещё прихватил с собой зазнобу — хохотушку и первоклассную стряпуху (как большинство украинок), с которой он давно тихонько изменял своей — теперь уже покойной — жене. Они жили на одно его социальное пособие и были счастливы как никогда. Лев Маркович выигрывал все сколько-нибудь значимые шахматные турниры, проводившиеся в округе, и немцы уважительно писали о нём в газетах: «Наш соотечественник...» — хотя приехал он из далёкого солнечного Харькова и, разумеется, никаких в его роду этих самых «соотечественников» не водилось.

— Лилечка! Моё почтение! Садитесь, моя вы дорогая! — радушно приветствовал Лев Маркович.

Доброе слово и кошке приятно, а уж Лильке, находящейся в смятении чувств и мыслей, — и подавно! Лев Маркович был старый жуир и к тому же остроумнейший человек, который заговорит любого, — недаром украинская краса пала жертвой его обходительности. Он немного погонял детей по дебютным партиям, которые они должны были разучить дома. Потом посадил их играть друг с другом и направился к Лильке, устроившейся с книжкой в другом конце комнаты.

— Что с вами, ласточка моя? — он подсел к ней, словно почувствовал плохое настроение девушки. «Вот медиум! Ничего не утаишь! Сканирует!» — уважительно подумала Лилька. — Я дико извиняюсь, но что это у вас за книжечка? Наверное, любовный роман? — предположил в прошлом отлично владевший и этим видом спорта старый шахматист. Лилька показала. — Боже! Что это вы читаете? — Лев Маркович неодобрительно пожевал губами.

— Это такая религия, сай-ен-то-ло-гия, — по слогам, чтобы понятнее было пожилому человеку, произнесла Лилька.

Лев Маркович отличался энциклопедическими знаниями.

— С чего вдруг вас заинтересовала эта лабуда?

Лилька засмеялась облегчённо, услышав такой вердикт:

— Почему лабуда? Вы знаете что-то о них?

— Вы, конечно, можете спорить со старым Львом Марковичем, кричать, что я говорю сущую ерунду, но вы сильно удивитесь, деточка моя! Я всё ещё немножечко в уме, что бы вы себе там ни думали! Ещё бы мне их не знать! — Лев Маркович неодобрительно покачал головой. — Вам таки сильно повезло, что вы не понимаете как! Послушайте старого еврея! Этот Хаббард был ещё тот типус! — гроссмейстер начал рассказ, словно подступая к разбору шахматной партии и радуясь, что есть повод в очередной раз блеснуть эрудицией. — Он был писатель-фантаст. В подмётки Азимову, Кларку или Саймаку не годился, но за его еврейский ум я отвечаю! — Лилька вновь рассмеялась. — Да! Не смейтесь, душа моя! У него точно в роду были евреи. Писал он это, писал, а потом придумал, как из этого всего можно сделать деньги. И дело пошло...

Лильке, в её непонятной ситуации, было как бальзам на душу послушать умного человека, с врождённым чувством юмора, с особым, замешенным на мудрости тысячелетий (не зря же водил их по пустыне Моисей!), быстрым умом, с острым языком и необычным этим еврейским говорком. За шахматной доской тем временем между честолюбивыми учениками внезапно произошла рокировка. Послышались звуки оплеух, стук и треск, затем последовали пинки ногами.

— Кирстен! — обратился шахматист к «старшей» (на пять минут), как она сама о себе говорила. На том краю затихли. — Предупреждаю! За неспортивное поведение буду штрафовать! Пятьдесят шфеннигов за раз. Поняли? — проверил он.

— Всё ясно. Поняли! — раздалось с того конца. — А почему так много? — заныл Торстен, который всегда первый начинал ссору.

— Разговорчики в строю! — гаркнул Лев Маркович и озорно подмигнул Лильке. — Встречаются в Одессе давние знакомые: «Добренького утречка, Абрам Соломонович! Это ваши дети с вами?» Абрам Соломонович: «Тю! А где вы видите детей? Это ж разве дети? Это — сволочи!»

За две минуты Лилька совершенно забыла, что шахматисту за восемьдесят, что в

углу комнаты стояла клюшка, которую он при появлении молодой и очаровательной особы быстренько отставил в сторону. Глаза Льва Марковича горели! Это были глаза мальчишки. Когда он увлечённо рассказывал что-то, то немножко напоминал Эйнштейна, вот сейчас дурашливо высунет язык. Пожалуй, Лилька тоже могла бы пасть «жертвой» его красноречия — будь он чуть помоложе и не люби так вареники своей Оксаны Петровны.

— А мне нравится Брэдбери... — продолжила прерванный диалог Лилька.

— Ну, это в вас говорит женское, чувствительное. Брэдбери писал жалостливые и меланхолические романы-антиутопии о душе человека, об упадке цивилизации, в которой нельзя иметь и читать книги, о том, как красива наша Земля из космоса, когда ты летишь к ней и через мгновение сгоришь, и у тебя возникают вопросы: а что ты сделал хорошего на Земле, кому ты помог, кого ты любил?

— Я тоже люблю этот рассказ, — обрадовалась Лилька. — Точно не помню названия. «Время, вот твой полёт»? Нет. «Калейдоскоп», кажется... Это там космический корабль терпит крушение? Да? — Лилька вопросительно посмотрела на Льва Марковича, ожидая подтверждения, но её собеседник пребывал в глубокой задумчивости, устремив загадочный взор куда-то, видимо, размышляя, а может, перебирая в памяти что-то своё...

Лильке вспомнился этот, на её взгляд, один из самых сильных, до мурашек по коже в конце, рассказов Брэдбери: космонавт неумолимо приближался к Земле и в эти последние часы перед смертью размышлял, подводя итоги своего земного бытия. В сущности, он не сделал ничего хорошего в жизни, ничего стоящего, ничего... Если бы успеть! Если бы только сделать что-нибудь хорошее, доброе и знать, что сделал!

— Он думал только об одном — чтобы в этот последний миг кто-нибудь увидел его... Ах, как бы ему этого хотелось! И всё-таки его последняя молитва была услышана, — восторженно подытожила Лилька. — Помните? Как там было? Мальчик на просёлочной дороге увидел падающую звезду и загадал желание. Вы ведь про этот рассказ?

— Да. Время, время... — непонятно ответил и не ответил Лев Маркович, всё ещё продолжая думать о чём-то. Встрепенулся. — Нуте-с, о чём, бишь, я? Так вот, выкиньте этот вздор из вашей красивой головки! Ваше время не стоит придумок Хаббарда! Читайте хорошую фантастику, — он помедлил. — Они тоже жгли умные книги. И до чего, спрошу я вас, это их довело? До чего? — он грустно показал головой в сторону близнецов, режущихся в шахматы так, что то и дело звенел шахматный таймер. — Вы меня, конечно, спросите, как этот самый Хаббард, больной на всю голову проходимец, смог сделать всем другим много неприятностей? Деточка моя! Я вам, конечно же, отвечу. И я знаю, что я вам отвечу правду, а вы можете думать себе что хотите, — Лев Маркович на минуту замолчал, видимо, раздумывая, с чего начать свой рассказ. — Так вот... Он ещё ребёнком познакомился с неким Томпсоном, офицером медицинской службы США. Тот ездил в Вену к самому Фрейду учиться психоанализу. Знаете, что это такое? — перешёл, наконец, ближе к делу умудрённый не только шахматными хитросплетениями Лилькин собеседник.

— Да. На кушетке лежать и рассказывать.

— Ну да... И на кушетке тоже, — Лев Маркович помрачнел. — Но это самое приятное из всего. Человека подвергали гипнозу, и он во сне рассказывал тяжёлые, мучительные переживания из своей жизни. Это якобы помогало. Хаббард позже соорудил свой прибор, электропсихометр, и под гипнозом выведывал у своих адептов тайны, а потом использовал в своих целях. На каждого было заведено досье. Это началось, ещё когда он писал сценарии для Голливуда и насмотрелся на режиссёров-неврастеников и актрис с подвижной психикой, одержимых фобиями и маниями. От страха, что твоё время уходит и тебя больше не будут снимать, тоже, знаете ли, поедешь головой... Он им стал давать свои психологические наработки. Потом создал дианетику. Что-то всё-таки у него с мозгами было не в порядке. Его даже списали из армии, потому что он гонялся за подводной лодкой — кажется, японской, — которую никто не видел. Сказочник!.. Да, в фантазии ему определённно не откажешь! Ну, а дальше — больше. Аппетит приходит во время еды. Организация разрасталась. Фантазия Хаббарда сбоев не давала. Под каток его весьма своеобразного обаяния попадали влиятельные политики, бизнесмены. Он их убеждал с ходу. Может, потому, что сам верил в придуманную им вселенную? Собственная мания, подкреплённая изрядной толикой человеческих иллюзий, не раз играла с homo sapiens злую шутку. Так или иначе, Рон Хаббард и компания умело использовали мечты людей об идеальном обществе, страхи перед ядерной катастрофой, разобщённость, доверчивость, страстное желание новой, отвечающей на все вопросы веры, желание найти истину. Ничего нового — зато всегда работает. В общем, заварил кашу на весь мир. Он рано понял, что человеческим разумом можно манипулировать. Можно подчинить себе миллионы людей. Он создал организацию со строгой иерархией, с системой поощрений и наказаний. Было там много такого, что

тюрьма в сравнении с этим покажется вам домом отдыха. Много шантажа, запугиваний, самоубийств, тёмных историй. Говорят, Хаббард собственноручно застрелил на своём корабле девушку, да ещё издевался, называя это особым видом одитинга, очищения то бишь.

— Какой особый вид?

— Выход тэтана из тела! — Лев Маркович разволновался. — Он её просто застрелил, негодяй! Были у него трения с властями. Он купил старый корабль, заставил молодёжь очистить его от ржавчины, покрасить и стал колесить на нём по океану — он-де гражданин мира — и читать свои «сумасшедшие» лекции на палубе под звёздным небом в океане! А, каков! Почему-то все неврастеники, такие как Гитлер, обладали феноменальными способностями долго держать аудиторию. Как под гипнозом. Не зря фюрер любил весь этот оккультизм. Было в Хаббарде всё-таки что-то садистское. Так вот, — Лев Маркович закинул ногу на ногу, заговорщически придвинулся поближе, готовясь поведать, видимо, что-то особенно интересное. — Я вам уже сказал, что во время службы в войну морским офицером он гонялся за несуществующей подводной лодкой?

— Как? — Лилька кивнула и посмотрела на шахматиста круглыми от удивления глазами, что его рассмешило.

— А вот так! Никакой лодки на самом деле не было. Судя по всему, он сам эту лодку и придумал, — Лев Маркович наслаждался, видя изумление Лильки. — Да... Тот ещё артист был. Так вот, на обратном пути он начал стрелять по острову, принадлежащему мексиканцам, в движущихся людей. Но они ведь были союзниками США! Почему он так поступил?! Уничтожил «условного» противника? Так развлекался? В общем, наверху поняли, что он неадекватный, и списали, — Лев Маркович посмотрел на Лильку с вселенской печалью. — Сколько он народа сбил с пути истинного, за то я молчу. Мама моя! И всё больше молодёжь. Вот как вы, золотце моё! Но они же верили, верили этому проходимцу с его приспешниками! — Лев Маркович в сердцах треснул кулаком по сухим коленкам. — Им нужны были души этих людей! Чистосердечные, жаждущие познания! А какое «знание», скажите мне на милость, могла дать эта больная голова? Человек человеку — волк? Кто не с нами — тот против нас? Опять деньги, деньги, деньги... Насчёт грошей, кстати, у него голова всегда исключительно работала. Вытрясал он адептов до последней полушки. Причём они «добровольно» всё несли в церковь сайентологов. А вот когда понимали, что это мошенничество, а попросту — обираловка, то многие хотели выйти из организации... — Лилька вся превратилась в слух. Руки и ноги у неё похолодели. — Людей увозили. Держали их где-то на безлюдных ранчо чуть ли не на цепи, били, люди отдавали все деньги в организацию, не смели слова сказать или воспротивиться. Им запрещали общаться с родителями, детьми, мужьями, если один член семьи выходил или не хотел вступать в организацию...

— А откуда вы так хорошо знаете о них? — удивилась Лилька.

— Да и у нас дураков было много. Увлекались. Один мой друг, священник, боролся с ними, собаку съел на этой секте, и я об этом всё много наслушался от него, — Лев Маркович задумался, вспоминая, наверное, что-то своё, может, и этого друга. — А теперь скажите, как всё это касается вас, девочка моя? Ну? Теперь ваша очередь рассказывать про вашего змея-искусителя, — Лилька молча кивнула в сторону близнецов. — Ясно, — смекнул Лев Маркович и выдал молниеносно: — Уходить вам надо от них. Есть куда?

— Пока ищут, — Лилька непонимающе пожала плечами. — Но как они, взрослые, образованные люди могут всему этому верить?

— Кто знает... — Лев Маркович пожевал губами. — Какие у них интересы? Может, они уже довольно высоко продвинулись и получают от своей деятельности деньги, им помогают преуспевать в карьере связи сайентологов? Организация ведь работает по всему миру. Не хочу сравнивать их с масонами. У тех тоже были благие намерения. А как известно, ими вымощена дорога в ад. Вы знаете, масоны во все века искали эликсир бессмертия, они хотели найти «живую воду» и жить вечно. Иллюзия, конечно. Чистая алхимия! Средство Макропулоса. Хотя — постоите... А может, и не совсем иллюзия. Недавно я услышал от одного знакомого ошеломительную до отвращения идею. Знаете, Лилечка, есть такое вещество — адренохром¹, продукт окисления адреналина. Так вот, я слышал, что по всему миру существует секта сатанистов-педофилов,

¹ Адренохром — полумифический наркотик. Популярность к нему пришла во второй половине XX века. Его упоминали в своих произведениях Хантер Томпсон, Олдос Хаксли и другие зарубежные писатели. Но вряд ли они могли его употреблять, потому что адренохром — продукт разложения адреналина. Он защищает организм от излишней кровопотери и улучшает свертываемость крови. Некоторое время ходили легенды о том, что адренохром используют голливудские звезды, отдающие бешеные деньги за дозу. Огромная цена обусловлена якобы тем, что ради синтеза наркотика мучали детей. Что, конечно же, неправда — во всяком случае, нет никаких доказательств этому.

которые убивают детей, предварительно мучая их, чтобы в крови выработалось большое количество адренохрома. В самый пиковый момент ужаса они убивают ребёнка и пьют его кровь. Говорят, что это наркотик — ещё похлеще героина и имеет омолаживающий эффект, — Лев Маркович усмехнулся. — Адренохром — это фантазии, конечно. Насколько я знаю, это вещество не запрещено и применяется в медицине. Но что-то во всём этом есть. Нет дыма без огня, — продолжал свой весьма интересный и нужный сейчас Лильке рассказ шахматист. — Ведь сектанты — психологически зависимые люди с надломленной психикой. Да и прибываются туда, по большому счёту, всё-таки не совсем здоровые граждане, с разными врождёнными отклонениями. Адепты постоянно испытывают большое психическое напряжение, в том числе из-за каждодневного вранья самим себе. Всякие извращенцы-садисты и подобные им получают удовольствие от самого акта насилия. А сатанисты — и от совершения всех этих чудовищных действий, которые для непосвящённых находятся за гранью понимания, в том числе и от питья крови. Это уже просто клиника, психиатрия. Что касается мазохистов, то боль вызывает выброс определённых веществ типа эндорфинов, «гормонов счастья». Этим грешат и экстремалы: альпинисты, спортсмены-парашютисты. Возникает привыкание. Риск просто так — это, по-моему, тоже некое извращение. В сочетании с психологическим воздействием, всё как-то объединяется в одно. Приём этого вещества восстанавливает силы после угара оргий и всяких других излишеств. Так вот... Якобы в Африке и Южной Америке похищали маленьких детей для того, чтобы извлекать это вещество из их мозга. У детей чистая энергия.

— А дети? — в ужасе охнула Лилька.

— Что дети? Их умерщвляли, разумеется.

— Как фашисты? — догадалась Лилька.

— А кто вам сказал, что нацисты были первыми, а не позаимствовали это у древних, из разных восточных религий? Недаром фюрер посылал экспедицию на Тибет. Младенец — сакральная жертва для Бога, зато великий султан, царь, король, миллиардер, диктатор получит бессмертие. Одним ребёнком больше, одним меньше...

Лев Маркович замолчал.

— А слезинка ребёнка? — Лилька укоризненно взглянула на шахматиста. Что он говорит? — Гений и злодейство несовместны. Для бессмертия такая цена слишком высока! Безнравственна! Зачем оно тогда нужно? — ужаснулась она.

— Для получения бессмертия никакая цена не высока, — печально изрёк Лев Маркович и с сожалением посмотрел на Лильку. — Вы этого ещё не понимаете, — он улыбнулся снисходительно. — Как вы ещё юны и как наивны! — он похлопал великодушно Лильку по руке. — Впрочем, так и надо! Не слушайте меня, старого греховодника. Все старики — трусливы. Поверьте мне на слово! Никому не хочется умирать. Поэтому перспектива помечтать о бессмертии, даже ценой убийства младенцев, смутит многих, — Лилька с ужасом посмотрела на него. Он шутит? Разве можно превращать смерть в предмет шуток? — Я имею в виду людей непомерно богатых, властителей мира, не отягощённых, как мы с вами, нравственным императивом Канта. У них есть всё! Единственное, чем они ещё не владеют, — это прерогативой жить вечно. Не для человечества же они стараются?

— А зачем вы мне это всё рассказываете? Как это связано с сайентологией?

— Ах да, простите старика. Деменция, — Лев Маркович многозначительно посмотрел Лильке прямо в глаза и отчётливо, словно желая запечатлеть это в её памяти, произнёс: — Время от времени в прессе появляются факты, рассказы очевидцев о том, что сайентологи замешаны в этих скандалах. Разумеется, бессмертие не предполагается для рядовых членов, а только для правящей верхушки. Потом кто-то эти скандалы быстро заминает. Они быстро сходят на нет. Но каково послевкусие? А?

— А у Хаббарда у самого есть дети?

— Сын покончил самоубийством.

— Ой! Да вы что?!..

— Да, да, милая моя! Таких Бог наказывает!

— А вы верующий, простите? — неожиданно поинтересовалась Лилька.

— Не извиняйтесь, душа моя! — Лев Маркович хмыкнул радостно, стукнув себя ладонью по голове (как Архимед, который воскликнул: «Эврика!»), и потёр лоб — видимо, припоминая что-то ужасно смешное. — Есть такой бородатый еврейский анекдот. Учительница говорит детям: «Дети! Кричите в небо: «Бога нет!» И видит, что мальчик-еврей стоит молча. Она ему: «Почему ты молчишь?» А он отвечает: «Если там никого нет, то зачем кричать? А если там кто-то есть, то зачем портить отношения?..» — шахматист посмотрел на хохочущую Лильку, довольный произведённым эффектом. — Конечно, верующий! А как можно не верить? Ведь чем старше мы становимся, тем большую ценность представляет для нас Бог. Скоро уж туда.

— Перестаньте, Лев Маркович!

— Вы сейчас не задумываетесь, милая моя! Вам представляется всё это ужасно далёким! В молодости кажется, что мы вечны и жизнь никогда не кончится, но поверьте мне, вы и не заметите, как и она пролетит, словно одно мгновение, и вас будут занимать эти вопросы, как бы предстать перед Господом, ну, скажем, в не совсем уж неприглядном виде, и советую вам готовиться к этому уже с молодых лет. Правильно жить, не делать другим зла. А этот Хаббард сейчас в восьмом круге ада! Во всяком случае, очень на это надеюсь! Есть такой специальный круг — для таких, как он.

— А что же с ним в конце концов произошло?

— Умер, по-моему, от инсульта, но они представляют его живым и отчитываются перед его фотографией. Считают, что он просто сейчас в другой сущности. Но уверен, что и там он наделает дел! — вдруг они услышали победный визг. — Ай, молодца! Выиграла?! — Лев Маркович, хлопнув себя рукой по колену, поднялся, одернул старенькие брюки, и пошёл к близнецам, потянув себя сзади за полы фланелевой жилетки, чтобы выпрямиться. Чем-то он сейчас ей напомнил Зиновия Гердта. Наверное, все старые и мудрые евреи похожи на Гердта. — Ну-ка, ну-ка, посмотрим!

Лилька не умела играть в шахматы. А неплохо было бы в её ситуации уметь просчитывать ходы.

«Много шума наделал опубликованный в Австралии в 1965 году доклад Андерсона с результатами расследования деятельности сайентологов. В докладе, в частности, утверждалось, что одитинг включает в себя «командный» гипноз, при котором гипнотизёр получает контроль над пациентом. Особо отмечались многочисленные случаи нанесения тяжкого вреда здоровью пациентов вплоть до летальных исходов, случаи тяжёлого психического расстройства, доходящего до суицида. Стали известны новые истории самоубийств, связанные с разочарованием в сайентологии или с преследованием со стороны сайентологов¹. В ноябре 1959 года в Мельбурне на лекции «Ответственность создания» Хаббард назвал R2-45² особенным видом одитинга и одним из самых эффективных методов «экстериоризации» (выход тэтана из тела). Позднее было заявлено, что Хаббард якобы так пошутил»...

Лилька в очередной раз ехала с близнецами куда-то на занятия. Она старалась побыстрее прочитать принесённую Леной книгу, обернула её бумагой, чтобы название не видели дети, и быстро впивалась в книжку глазами при каждой свободной минутке.

— Что ты читаешь? — требовательно и подозрительно спросила Кирстен. — Мы опять чуть не проехали остановку!

Дети были настоящими соглядатаями. Лилька замечала не раз, что о её разговорах с детьми на следующий день узнавала Мартина. Тотальная слежка и наблюдение.

«Сьюзен Майстер погибла на борту сайентологического корабля «Аполло» от пулевого ранения в голову — по словам сайентологов, она застрелилась, однако дальнейшее полицейское расследование установило, что она была убита. Критики связывают её смерть с сайентологическим ритуалом «R2-45». Незадолго до смерти Сьюзен писала домой письма, полные энтузиазма»...

Дочитав до этого места, Лилька вспомнила рассказ шахматиста и почувствовала, как в этот тёплый солнечный день её начал пробирать озноб — даже внутри защипало, — будто она проглотила глыбу льда и вся покрылась «гусиной кожей» от страха. Что за ритуал? «Может, Ленина тоже готовят как ритуальную жертву?»

Надо было думать, как уносить ноги. Хотя... Мартина так описывала ей прелести одитинга, благотворного влияния электропсихометра: освобождение от мыслей и переживаний прошлого, очищение, облегчение после него. Да и ей было некуда деваться, она согласилась, был уже назначен день. От природы будучи любопытной, Лилька решила всё-таки под занавес сходить «очиститься». «Ну не убьют же они меня до одитинга? — резонно думала Лилька. — Поджарят, как каннибалы, и съедят?»

¹ См. документальный фильм «Наваждение» (США, 2015). Фильм исследует тайную кухню одной из самых богатых и влиятельных организаций мира — так называемой «Церкви Сайентологии». Документальный трллер переворачивает представления зрителя о возможностях современных сект и о том, как далеко они способны зайти в стремлении защитить свои деньги и власть. Фильм проливает свет на засекреченные стороны жизни Тома Круза и Джона Траволты, ставших «звездными лицами» сайентологии, и основан на ошеломляющих показаниях бывших топ-менеджеров организации, которые долгие годы были вынуждены молчать о происходящем за ее стенами. Шокирующее расследование оскароносца Алекса Гибни, одного из величайших документалистов современности, снято по бестселлеру пулitzerовского лауреата Лоуренса Райта.

² R2-45 — особый вид «одитинга», представляющий собой ритуальное убийство, совершаемое сайентологами из «кольта» 45 калибра, посредством выстрела в голову. Хаббард писал, что это «чрезвычайно эффективный процесс экстериоризации, но его использование... порицается обществом».

Глава III. VOX HUMANA¹

Незадолго до побега от Нойманнов она всё-таки познала все «прелести» одитинга. Одитор, лысоватый немец, похожий на крысу, бесцветный, как альбинос, посадил её напротив себя и впился в неё своими глазками-бусинками. Она увидела аппарат со шкалой и стрелкой: «Вот этот пресловутый Е-метр». В ней происходило в этот момент самое настоящее раздвоение личности. Несмотря на её скепсис, одна её часть — наверное, «та самая», реактивная, — ждала от чудного приспособления чуда! Она с большой надеждой смотрела на странный прибор, но в ней ничего не происходило. Да ещё лезли в голову какие-то посторонние мысли — неуместные, приземлённые... Ей что-то дали в руки. «Похоже на банки от консервированной фасоли», — подумала она и вспомнила, как уплетали близнецы за обе щёки чили кон карне² с красной фасолью из этих банок. От несуразности мыслей никак не удавалось сосредоточиться и настроиться на серьёзный лад. Первый раз всё-таки... А вдруг и вправду случится чудо, и она выйдет отсюда другим человеком: просветлённым, понимающим о себе и о мире нечто большее, чем все окружающие люди? Превратится в божественную сущность?! Откроются двери, оттуда хлынет неземной свет, и — она уйдёт в него, как Христос, оглянувшись и улыбнувшись на прощание миру!

От аппарата тянулись кабели, они соединяли банки с самим аппаратом. Одитор стал спрашивать о событиях из её жизни. Вопросы были нацеленные, как будто о ней уже что-то знали заранее. «Мартина?» — догадалась Лилька: она кое в чём открылась Мартине вначале. Лилька была как в полусне, и одновременно ей было страшно. Волосы шевелились на голове. «Может, это от тока?» — затравленно спросила она себя и внутренне вся похолодела от охватившего её ужаса. Голос одитора звучал как голос металлического робота, фонил и раздваивался, как и его отвратительная крысиная физиономия. Вместо просветления и очищения, как обещала Мартина, она почувствовала отвращение к себе самой и стыд от своей беспомощности, сознание того, что её обманывают мошенники, пытаются подавить её волю, подчинить её разум своим бредовым идеям! Она физически ощущала, как они копошатся в её мозгу, бурят всё глубже и глубже. Она чувствовала дурноту. Состояние тошноты всё ухудшалось, как будто она перекаталась на каруселях, — и вдруг кружение кончилось, карусель остановилась, и нужно опять твёрдо встать на ноги, — но земля почему-то всё уходит из-под ног, мир кренится и заваливается набок.

Лилька не помнила, как сползала, крепко цепляясь за перила, по лестнице на отказывающихся слушаться ногах, ставших словно чужими, на солнечную, полную голов и жизни улицу. Мартина встревоженно открыла ей дверцу машины.

— Ну что? Как ты себя чувствуешь? Ты чувствуешь очищение? — её голос тоже фонил и двоился.

Лилька еле успела отбежать — и её фонтаном вырвало. И пока с ней это происходило, она увидела — каким-то другим взглядом — муравейчиков, ползущих куда-то в спутанной притоптанной придорожной траве, с зелёными свечками подорожника по краям; солнечный зайчик перебежал по ним, то исчезая, то вновь появляясь. Казалось, что он с удовольствием участвовал в этой игре света и теней — переплетении солнечных бликов от колышущейся на ветру листвы ближайшего дерева.

«Как хорошо жить! Как чудесно! Почему я всего этого раньше не замечала? Когда я убегу от них, я буду сидеть в парке и смотреть, смотреть... А потом у меня будет семья, чудесный дом, крахмальные скатерти... Бежать! Бежать!»

Но куда? Побег надо было ещё устроить. Ей было негде жить, у неё не было никаких прав в этой стране. Её депортируют в два счёта, а как же её мечта?! Первая ступень к счастью — поступить в университет! Надо что-то придумать, но что?

Через пару дней она поехала с близнецами на концерт. Музыкальная школа, где они учились, распространила билеты на благотворительный концерт органной музыки. Завершилась долгая реставрация старинного органа. Существовала легенда, что на нём играл сам Бах. Ожидалось, что приедет известный органист. Концерт должен был состояться в церкви Святого Иоанна. Хозяевам эта идея не понравилась, но отказаться не представлялось возможным.

Лилька слышала, как переругивались Мартина и Свен:

— Они же не в церковь идут, а на концерт!

— Всё равно! Как ты могла допустить? — шипел трусоватый Свен.

— Что ты вечно всего опасаясь! — огрызалась более рискованная Мартина.

¹ Vox humana (лат.) — человеческий голос.

² Чили кон карне — блюдо мексиканско-техасской кухни с красной фасолью. Название взято из испанского языка и означает буквально «жгучий перец с мясом».

«Наверное, им не рекомендуется заходить в обычную церковь? — усмехнулась Лилька. — Почему вначале сколько-нибудь интересные идеи превращаются потом в тюремное заключение для адептов? Шаг вправо, шаг влево приравнивается к побегу...»

Они пришли рано, церковь была почти пуста. Поговорили с женщиной в инвалидной коляске, которая сидела на входе. Она протянула им программки. Женщина была весёлая, в белой шляпке с фиалками, ноги накрыты белым вязаным ажурным пледом. Глаза её лучились, и Лилька почувствовала доброту. Ту самую, человеческую, идущую из сердца. Почему? Ведь эта женщина обделена Богом. Она не может ходить. Не может бежать по лесу, по полям и — задыхаясь от радости, от ветра и бега — упасть в травы и вдыхать небо... Почему же в ней так много доброты, во всем её облике такая благодать, такая любовь к людям? Почему?

Дети побежали в первый ряд. Церковная прохлада — какая-то особенная, ладанная, с хладностью прожилок зеленоватого мрамора, пахнущая старым деревом распиленных фигур святых, лаком старинной кафедры и скамеек красного дерева, кожей святых книг и перевёрнутыми страницами миллион раз прочитанных текстов молитв и псалмов, благостно пропетых прихожанами на службах. Запах этот чем-то напоминал запах старой библиотеки. Он плавно смешивался с вербено-сладковатым ароматом воска и дымком отгоревших свечей. Перед ними никого не было. Только алтарь. Кафедра слева. В середине распятие, белые лилии в вазах. По бокам статуи Христа и Девы Марии, Иоанна, святых апостолов. Был уже вечер, и церковь была освещена, но ещё не догорело солнце в огромном готическом окне, взметнувшимся за алтарём, как приглашение взлететь, как вход в другой мир — туда, на небеса! Может быть, эта игра естественного и электрического света была причиной этого странного эффекта движения — и нарисованные на куполе взлетающие фигуры как бы ожили и начали своё кружение вверх. Лилька запрокинула голову. От странного этого полёта по спирали — вознесения тел в развевающихся пурпурно-голубых одеяниях — у Лильки закружилась голова, и она зажмурилась, пытаясь отогнать видение, но оно не исчезало. И всё уносились вверх ангелы, и всё возносились дивно выписанные лики и руки, и всё движение тел было подчинено одному устремлению, одному порыву — к уже тронутым отблесками первых лучей, зардевшимся облакам, мерцающим и переливающимся всполохами откуда-то изнутри и, казалось, растворяющимся в ослепительной золотой дымке, вдруг вспыхивающей под самым куполом неземным святым светом! Там был Бог!

Церковь постепенно заполнялась. Близнецы узнавали одноклассников. Лилька кивала родителям.

— Это наша няня! — показывали на Лильку близнецы.

Начался концерт. Орган был сзади, и Лилька едва увидела мелькнувшего среди блестящих труб, казалось, совсем маленького человечка. Moderatorin¹ — сухонькая седовласая женщина в строгом костюме, чуть переливающимся искорками, — звучно стала рассказывать о произведении Баха, включенном в программу:

— Произведение предположительно написано Бахом во время его пребывания в Арнштадте в период между 1703 и 1707 годами... — она вдруг заторопилась, тревожно оглянувшись, видимо, ей подали сигнал.

Лилька очень любила классику, особенно Генделя и Баха, именно хорал — церковную, в сущности, музыку. Надо сказать, что началось это отчасти вынужденно. Она часто слушала по приёмнику «Рига», купленному отцом, классические концерты. С раннего детства. Когда ей было четыре года, её нередко оставляли одну (в детском саду для неё ещё не было места), и мама, уходя, включала приёмник, настраивая на музыкальную волну. Лилька часами слушала концерты и симфонии, и сейчас часто без труда узнавала музыку. И потом дома, придя из школы и сняв надоевший чёрный фартук и колочее форменное платье, она включала приёмник и незаметно улетала в параллельную реальность — кружилась в вальсах Штрауса, грациозно склонялась в менуэте. Ах, вот это была жизнь! Под музыку она делала уроки и читала книги. А иногда наряжалась, надевала мамини туфли и вытаскивала из горки чашку от сервиза, старинного, оставленного ещё прабабушкой. Им никогда не пользовались, но Лилька наливала чай в эту чашку и садилась около трельяжа. Она пила из тонкой чашечки — такой тонкой, что та светила изнутри на просвет и была похожа на полузакрытый тюльпанный цветок, — и наблюдала за своим отражением в зеркале. Разыгрывала сценки, невольно представляя себя принцессой и подмечая, какая поза, движение руки, поворот головы или улыбка ей больше подходят, удаются. Отец, приходя, ругался: она всегда сбивала его программу таллинского радио.

Так, она ещё с детства очень любила полифонические произведения Баха —

¹ Moderatorin (нем.) — ведущая.

«хорошо темперированный клавир», прелюдии, фуги, органные композиции. Как же, должно быть, это сложно играть! Лилька поражалась виртуозности музыкантов, сумевших передать эту божественную гармонию — голос человека, молящего, вызывающего к Богу! Лилька пыталась посчитать голоса, проследить, иногда получалось, она садилась и забывалась у приёмника, растопырив пальцы: вот один, вот второй, третий... Ой! Четвёртый!

У неё был очень хороший слух, и она с лёту схватывала мелодию (ей даже удавались диковинные и сложные в мелодике старинные эстонские песни из «Калевипоэга»¹). Часто она слушала так часами — голоса сплетались и расплетались, сходились и расходились, и вместе с ними Лилька то взмывала в небеса, левитировала, воспаряла, то низвергалась в бездну переживаний. Голоса страдали, и она страдала. Она их понимала. Она вся была в этот момент Человеческий Голос!

Ещё во втором классе Лилита увидела воочию орган в Риге. В тот год на осенних каникулах они ездили к родственникам. Тётя Вильма, двоюродная сестра отца, повела её на концерт. Она впервые вживую слушала орган. Лилька была поражена низким, плотным голосом органа. Он овладевал всем её нутром, заставляя каждую клеточку тела трепетать и откликаться на эти доныне неведомые, волнующие, а порой и приводящие все её чувства в смятение вибрации. Это был Бах. Сначала от таких мощных звуков, льющихся откуда-то сверху, она испугалась, но потом сидела тихо, не шелохнувшись весь концерт, с каким-то потусторонним выражением лица, на котором читалось неземное блаженство. Тётя Вильма время от времени пихала её локтем: «Да дышит ли она?» Наклонялась к ней озадаченно:

— С тобой всё в порядке?

Лилите казалось, что с ней говорит сам Господь Бог, и она его понимала! Всю ночь после концерта она так и не уснула.

— Ирэна! Какая у тебя впечатлительная девочка! Как ангел! Я думала, что на концерте она упадёт в обморок!

— Я сама испугалась, Вильма! Она до сих пор не спит!

Мать тревожно шла проверить, укрывала Лильку, и та делала вид, что уснула, но голова её была полна звуками неземной музыки. А её детская душа потрясена этим *vox humana* — человеческим голосом органа. Он был похож и на стенания человека, на жалобы, плач, мольбы! Как будто весь человеческий род молил о прощении Господа, как будто её мама молила, чтобы папа перестал пить. Лилька так хотела, чтобы он превратился в такого доброго, любящего их отца, как в том старом фильме, где все были счастливы! Она верила, что Господь слышал в облаках и улыбался, и прощал, и благословлял весь род человеческий!

Сейчас Лилька не позволяла себе часто слушать эту музыку. Повзрослев, она разрешала себе эту радость лишь иногда, настроившись — в особых случаях. Сильное волнение охватывало её: душа болела, страдала о невозможном, о том, как это божественно, и почему она — Лилька — не обладает хоть малой толикой этой энергетики, почему человек несовершенен. Смирение в эти моменты покидало её.

— Итак, — торжественно произнесла модераторин, — Иоганн Себастьян Бах. Токката и фуга ре минор для органа, — объявив, она почти побежала, стуча каблучками, в сторону боковой скамейки.

Мордент² накрыл её, ещё откидывающую сиденье, — и церковь вздрогнула, как от подземного толчка! Грандиозность мордента и величие вступления заставили Лильку замереть, как кролика, от чудесной, почти непереносимой муки! Всё внутри неё сжалось и похолодело. На мгновение возникло такое чувство, что скоростной лифт быстро падает вниз, и кажется, что и ты летишь туда же с головокружительной скоростью! И кто-то — там, в этой математически выверенной гармонии стройного, упорядоченного полёта звуков, — прорывался, вопреки всему, за пределы мироздания, падал, одержимый демонами, поднимался вновь, спорил с кем-то, доказывал своё право называться созданием Божьим, человеком! Быстрота аллегро³ — несущегося к неизвестной своей судьбе человека — обрывается незавершённостью, незаконченностью. Это ещё не финал. Адажио⁴ переходит в умопомрачительную полифонию звуков, мелодических фигураций.

¹ «Калевипоэг» — национальный эпос эстонцев — поэма о богатыре Калевипоэге. Оформился во второй половине XIX века, и честь его создания принадлежит крупному культурному деятелю Эстонии, поэту, фольклористу Фридриху Рейнгольду Крейцвальду (1803-82).

² Мордент (*итал.* mordente - кусающий, острый) — мелодическое украшение, означающее чередование основного звука со вспомогательным. Все морденты исполняются за счет длительности основной ноты.

³ Аллегро (*итал.* allegro) — часть произведения, которая играется в быстром темпе.

⁴ Адажио (*итал.* adagio) — музыкальный термин, означающий «медленно, протяжно». Музыкальное произведение, часть его, которая играется в таком темпе.

Будто нерасторжимо, неизбежно переплетённые лианы в девственных лесах Амазонии, голоса вдруг, подчиняясь одному, слышимому только им магическому зову — приказу, пришедшему из вечности, — в какую-то секунду начинают раскручивать назад, казалось бы, неразрывную спираль этого дивного ДНК из нот, — и вот начинаешь различать собственную тему каждого, их точку отрыва. Вначале их такое множество, что трудно проследить, но затем они разделяются — каждый пошёл своей дорогой, но ещё оборачивается — стретта¹ накладывает их один на другой, они перекликаются, одна тема не заканчивается, а перетекает в другую, полифонизирует, отражается, аужает, спорит с ней, ещё медлит: разойтись или нет? А потом и сама не отпускает, удерживает третью тему, а та — следующую. Может вернуться или отпустить, но уже невозможно противиться нарастающему приближению новой темы — в вихре расходящихся гармоний, улетающих, затягиваемых в воронку звуков, полемизирующих друг с другом мелодических тем — каждый голос зовёт, уводит за собой в неизвестность. А вдруг там — блаженство? Рай? Бог?

Они уносятся в параллельную тональность, возвращаются в исходную, как будто что-то ищут и не находят. Будто пытаются оторваться, но уже решившись, всё же оборачиваются, не в силах уйти! Что там, впереди? Пугает ещё что-то неизвестное, а вдруг по той дороге ждут несчастья и смерть? И всё же в споре с судьбой каждый из голосов по-своему побеждает, доказывает, находит всё новые краски созвучий, гармоний, звенящие нити мелодики и новые аргументы, прозревает, наконец, каждый в своих муках — истинный путь. Иногда это возвращение к началу, к истокам, к корням. Кода² напоминает — с чего началось. Обобщает. Импровизация даст фору драйвовым джазовым изыскам. Каденция³... Всё...

«Как мог так услышать, написать и постичь это Бах, придворный органист, тихий профессионал, всё время работающий на хозяина, отягощённый многочисленными детьми, хозяйственными заботами и вечной нехваткой денег? Как? Хотя, конечно... Он верил! Вот ответ. На самом деле он работал для Бога, для вечности... Что такое человек перед вечностью? Маленькая песчинка, пыль мироздания! На краткий момент пробуждаемся мы к жизни и исчезаем, но куда? Становимся снова звёздной пылью? Никто этого не знает, никто оттуда не возвращался! Бойся зла в твоей жизни, страшись роковой судьбы, лавируй, обходи, кружи вокруг комнаты, где исполняются все желания. К ней ведёт длинный путь, и ведёт тебя сталкер, и мелькают летящие белые ленты бинтов, привязанных к гайкам, отмечая место, куда надо перебежать. К счастью нет короткой дороги»...

— Бах. Хоральная прелюдия фа минор, — вскочила со скамейки и звучно прокричала ведущая.

Лилька закрыла глаза, и замелькали кадры: земные травы, колымаемые течением реки, Хари и Крис, летящие в невесомости, где-то там — в космосе, на планете-океане Солярис, который аккумулировал в себе божественную субстанцию: власть, волю и способность воздействовать на сознание человека, возбуждать в нём чувство вины, муки совести — и отпускал его только тогда, когда тот осознал, переболел и изменился навсегда. Зимний пейзаж Питера Брейгеля Младшего и эта музыка...

«Бах был гений. Тарковский тоже. Где они сейчас?»

Глава IV. ЖЕНСКИЙ ДОМ

Как убежать из «благополучной семьи» — это было ещё полдела. А вот куда? Помогла опять Лена. Она привела Лильку в социальную католическую службу, к соцработнику-психологу. Немка — худенькая, маленькая, с короткой стрижкой под мальчика, в неприметных брюках цвета хаки и военных ботинках — приветливо протянула руку:

— Илона!

Лилька села и нерешительно посмотрела на Лену.

— Говори всё как на духу! — разрешила Лена. И Лилька рассказала всё. В продолжение рассказа женщина несколько раз менялась в лице, всё время записывала что-то. Потом звонила куда-то, консультировалась с адвокатами, с полицейскими. Уяснив для себя, наконец, всю ситуацию, она улыбнулась по-доброму и, видя подавленность Лильки, взяла её руку, сакрыв своей тонкой ручкой.

— Всё будет хорошо. Мы найдём вам новых поручителей. Вы поступите в универ-

¹ Стретта (*итал.* stringere — сжимать) — имитирующий тему голос вступает до того, как она закончилась в предыдущем голосе, и отдельные части темы звучат одновременно в разных голосах.

² Кода (*итал.* coda — хвост, конец, шлейф) — дополнительный раздел, пассаж заключительной части, являющийся послесловием, выводом, развязкой и обобщением тем, развитых в разработке.

³ Каденция (*лат.* cadens — падающий, оканчивающийся) — типовой завершающий гармонический или мелодический оборот в старинной модальной музыке XI-XVI вв.

ситет, а пока поживёте у нас.

— Где у вас?

— В Женском доме! Это дом для женщин, находящихся в опасности. Там вас никто не найдёт.

Вскоре Лилька от сайентологов сбежала.

Надо сказать, что в Германии — в этом распиаренном самими немцами «социальном раю», куда стремятся беженцы и любители пожить за чужой счёт со всего мира, были в избытке, фигурально выражаясь, свои «погремушки», то есть недостатки. Принято считать, что это очень комфортная для проживания страна, но эта аксиома весьма спорна. Обязанность принимать по закону своей страны всех беженцев расходилась с тайным нежеланием немцев посадить себе на шею таких «соотечественников», но угрожающая демографическая ситуация в Германии, где к сорока годам еле рождают по ребёнку, вынуждала искать возможности восполнить извне потребности в свежей крови и рабочей силе. Все эти предприимчивые поляки и румыны, подвизающиеся на строительных площадках по всей Германии, там же и умыкающие при случае всё, что плохо лежит, стоит и висит, и нигде не числящиеся, так что спрашивать по факту не с кого; турецкие курды, пооткрывавшие свои забегаловки с дёнер-кебабами; афганцы, вообще непонятно как и на что живущие, кроме социального вспомоществования, работающие на кухне у тех же турок, пекущие пиццу у итальянцев и потом спускающие «заработанное непосильным трудом» в игровых автоматах; любители попытать счастья со всего мира; русские немцы, которых называют «русаками» местные немцы и они сами себя; евреи с Украины и из обеих столиц, которые, как ртуть, пытаются принять форму и даже облик немцев, так сказать — отгадать идентификационный код новой «родины», хотя это у них ни фига не получается, — вся эта разношёрстная компания совершенно не имела ни к немцам, ни к их жизни никакого отношения. «Мульти-культи» не вышло. Немцы тщились стереть из памяти людской воспоминания о Третьем Рейхе либеральными и милостивыми принципами «гостеприимства», прописанными в Grundgesetz BRD¹. Получилось... как получилось.

Немецкий менталитет отторгал всех с непреодолимым упорством, скрывая в себе некий «синдром нибелунгов»². Генетическая нелюбовь к тем, кто хоть одну букву произносит недостаточно по-немецки, объединяла всех Deutsche³. Как говорится, у вас своя свадьба, а у нас своя. Новоиспечённые соотечественники отвечали тем же. Страну пучило от ненависти и параллельности существования, жили, как на пороховой бочке, и в один прекрасный момент всё могло взорваться к чёртовой матери, чего, надо сказать, все «недонемцы», пользующиеся разнообразными благами «социально-го рая», своим «благодетелям» втайне и желали.

Женский дом, куда попала Лилька, был копией мультикультурной Германии в миниатюре. Похвальная во всех отношениях идея дать женщине, страдающей от домашнего насилия, убежище и возможность начать жизнь заново на практике приобретала не столь идеальный вид... Немецкая благотворительность, выходящая подачками с «барского» плеча, вскрывала разобщение немцев и «остальных» в подлунном мире, проблематичность попыток вообще сохранить себя личностью в этой самой Deutschland, не скатиться к роли просителя, обивающего пороги Deutsche Behörden und Ämter⁴. От унижения и отчаяния, постепенно нагняя и глупея, зверея и не находя выхода, многие в конце концов превращались в бессовестных попрошаек вроде цыган из вокзального табора или аферистов, проявляющих чудеса актёрского таланта и изобретательности в обмане этих ненавистных «амтов» с «бехёрдами». Через несколько месяцев чужеземные «гости» уже знали наизуток все нужные параграфы законов социального права и все трюки, как таковые обойти и всех объегорить. Эту бы энергию — да в «мирных» целях!

В Доме было два этажа. На каждом — по четыре комнаты и кухня, душ, туалет и

¹ Grundgesetz BRD (Основной закон Федеративной Республики Германия) — конституция Германии, в которой закреплены основы правовой и политической системы страны. Основной закон был принят в 1949 году в качестве закона, временно заменяющего конституцию на территории западных оккупационных зон, и затем продолжил свое действие в ФРГ, а с 1990 года является полноценной конституцией объединенной Германии. Особое значение в Основном законе страны, пережившей опыт национал-социализма, приобрели основные гражданские права; запрещаются любые высказывания и действия националистического или нацистского толка. Закон обязывает принимать всех беженцев, которые просят политического убежища, всех, кому грозят преследования в своей стране по национальному признаку.

² Нибелунги — мифический древний род карликов, владетелей и хранителей древних сокровищ на землях по реке Рейн.

³ Deutsche (нем.) — немец, немка.

⁴ Deutsche Behörden und Ämter (нем.) — немецкие власти и ведомства (суды, министерства, различные государственные учреждения).

гостиная, где смотрели телевизор и принимали «свеженьких» жертв насилия, там же проведивших свою первую ночь. На первом находилось бюро. В бюро работали *Betreuerin*¹, коих Лилька с иронией называла про себя «феями». На каждую приходилось по две подопечные. Сотрудницы приходили с утра, пили кофе, проверяли акты и записывали туда разговоры с подопечной. Все действия, которые предпринимала обитательница Дома, направленные на то, чтобы скорей покинуть это милое жилище и найти квартиру, подать на развод с мужем, отвоевать полное право на ребёнка, получить детское пособие или социальную помощь, также аккуратно фиксировались. На всё про всё у женщины было шесть месяцев. Ей помогали, конечно, но, как говорится, без особого рвения. Куда-то звонили, что-то выясняли, но в основном — сама женщина сбивалась с ног, пока дети были в школе или в детском саду. Легко сказать — попробуй сделать! При поступлении сюда большинство женщин, находясь в психологически подавленном состоянии после побоев и издевательств, да ещё с детьми на руках, — в чужой стране, на чужом языке были просто не в силах ничего сделать и выбить. После двух-трёх недель обессиленные и заскучавшие женщины возвращались к мужу-тирану. Те же из них, кто выдержал критическое время и выстроил границу отчуждения от «второй половины», прекратив на долгое время все контакты с родственниками, как требовали социальные помощницы, начинали свой долгий и мучительный путь к свободе.

Лильке было легче. Она была одна и отвечала только сама за себя. Она занималась, готовилась к экзамену на высшую ступень немецкого, чтобы приняли в заветный университет. Сдавала она экзамен комиссии из Института Гёте. За красивые глаза не аттестуют, хорошую оценку не поставят. Особенно, говорят, зверствуют на письменном. Рвут листы из рук, если время вышло, ни секунды не давая на то, чтобы дописать. Немцы педантичны до безжалостности и не делают скидок категории юных прекрасных дев и иностранцев. Извольте в общую очередь! Не знаешь на должном уровне язык — «auf Wiedersehen!», что в переводе означает: «Давай, до свидания!» Домработницы, няньки, мусорщики Германии нужны...

С тишиной в женской общаге была напряжёнка. Старое (наверное, ещё довоенное) здание, в котором располагался «приют», от детской беготни содрогалось иногда так, что Лилька, потеряв терпение, выходила и разгоняла сопливых архаровцев. Вся постройка сотрясалась, как при пятибалльном землетрясении. Казалось: вот ещё чуть-чуть — и всё провалится в тартарары. Пять минут покоя — и экзекуция начиналась снова. Дети плакали и дрались, топотали, как кабаны, пробегая по коридору мимо, а иногда, назло «вредной Лильке», пинали ногами по её двери, чтобы отомстить. Приходилось затыкать уши...

Постоянно случались конфликты между женщинами из-за этих же детей, дежурства на кухне, просто, как говорится, из-за «личной неприязни». Одна немецкая семья, мамаша Хайди, которая беззастенчиво подрабатывала сексом по телефону, и трое её туповатых отпрысков, которым, однако, хватало мозгов постоянно воровать продукты, не дремала. Хватали все, что плохо лежит, а плохо, то есть открыто, лежало всё! Приходилось картошку и другие продукты держать в комнате. Женщины, поднатопив в частых склоках, мелких разборках, ставшие «зубастыми» и горластыми, наэлектризованные проблемами, недосыпом и болезнями детей, могли и прибить. Чернокожие красотки любили скандалы, сразу как-то оживали, хорошели даже и с разбегу лезли на баррикады.

— Это потому что вы белые — потому у вас всё и получается! — темпераментно размахивала чёрными руками с розовыми ладонями африканка. Ни дать ни взять вырезанная из эбенового, чёрного дерева фигурка. Красиво!

Лилька один раз не выдержала:

— Это потому, что надо язык учить, одеваться нормально, а не в твою хламиду. Верить в Бога можно и в джинсах. Не самый это большой грех. Ты «расистка наоборот!» Своим цветом кожи ты шантажируешь белых!

Разговор происходил на кухне. Чернокожая красавица, недолго думая, схватилась за нож, который валялся у раковины, она была дежурной и как раз мыла посуду.

— Я тебя сейчас буду убивать! — взвилась африканская фурия, выкатывая синеватые белки глаз.

— Попробуй! — Лилька приняла стойку, как в боксе. — И ты жива не останешься.

Фурия побегала глазами, в ней в этот момент происходил мыслительный процесс сродни гамлетовскому: «Бить или не бить?» Пораскинув мозгами, она отвернулась и, как ни в чём не бывало, стала домыывать посуду, в том числе и нож, которым только что хотела зарезать «шибко умную» белую.

¹ *Betreuerin* (нем.) — воспитательница; официальная помощница, закрепленная от государства, имеющая право заниматься делами вверенного ей человека.

Лилька как-то за чаем дискутировала с одной из социальных «фей» — дочерью пастора.

— Как вы хотите, чтобы женщины всё сами делали, искали квартиры, вели судебные тяжбы, при том что их психика находится на грани нервного срыва? Может, им нужен покой, пара дней отдыха, даже от детей! С ними должен работать психолог, а у вас его нет! Это дорого? Почему у вас нет машины, чтобы забирать женщин с вокзала?

«Фея» спокойно, по-протестантски, ответила:

— Если эти женщины не имеют сил изменить свою жизнь — значит, они по ошибке попали к нам.

Соработницы вели себя по большей части индифферентно, тело молодое не надрывали, сидели в бюро да назначали *termine*¹ — время для «разбора полётов» — результатов от «хождения женщины по мукам». Просто так не зайдёшь.

Наступило 9 Мая. Лилька и соседки (русская немка Нина и украинка Таня) скинулись, купили гвоздики, торт и водрузили их на кухонный стол. Лильку выбрали идти «парламентёром» в бюро. Товарки жались позади. Все «феи» вместе с домоуправшей оказались в наличии.

— Мы поздравляем вас с Днём освобождения Германии от нацистского режима! Это было не только победой русских, но и освобождением всего человечества от коричневой чумы! — подождав, пока они придут в себя, Лилька строго спросила: — Не правда ли?

Социальные «феи» потеряли дар речи. Первой нашлась полька — домоуправша, бой-баба, которая собирала шкафы и мебель, занималась ремонтом и хозяйством (мужчины в любом виде не допускались в Женский дом). Беата приняла подношения в виде торта и гвоздик, а «феи» кисло покивали, как бы благодаря и подтверждая то, что нельзя опровергнуть: именно русский солдат спас мир от фашистов («чтоб им на том свете не было ни дна, ни покрывши, вместе с их бесноватым фюрером!»). «Интересно, съели они торт или нет? Как говаривал шахматист Лев Маркович, нам надо победить врага на его территории».

Мужья-тираны в это судьбоносное время, переломное для неожиданно закончившейся совместной привычной жизни, тоже не сидели сложа руки. Поняв, что девочка для битвы ускользнула, они пускались во все тяжкие, пытались выманить жертву из норки. Первое, что надо было узнать, — в какой город сбежала дражайшая половина. Обычно женщин переправляли в другие города, подальше от тиранов: не видишь и не бредишь... Но те узнавали адреса, используя так называемое «телефонное право», приезжали, ночевали в машине, бегали по незнакомому городу, небритые, с бешеными глазами, пытались встретить благоверную. Использовали свои родственные и иные связи. В большинстве своём турецкие курды и афганцы названивали в Женский дом по телефону «SOS», которым пользовались только полиция и скорая. Один Отелло возник как-то ночью с дустволкой и пытался вышибить дверь. Но в основном применялись традиционные методы запугивания — дистанционные: «Я сейчас прыгну с балкона, если не вернёшься». Или придумки на скорую руку: «Ну, погоди! Найду — зарежу (порежу, отрежу), детей отберу (украду, убью)».

При таком повороте судьбы побеждает та, у которой бывшая любовь уже превратилась в ненависть, как вино в уксус, кто больше не «жалеет» и не ищет оправданий мучителю, у кого нервы от частых скандалов не оборвались, а превратились в толстые железные канаты. Та, которая ничего не прощает и не забывает и не хочет повторения — уже в триста двадцать восьмой раз — пройденного. Словом, шанс вырваться из замкнутого круга избиений, клятв, обещаний, прощений, примирений и снова насилия есть у той женщины, душа которой взрастила в себе гордый, внутренне освобождающий от наваждения навсегда цветок презрения. Тогда уже ей нечего бояться возврата в ад.

Одна сомалийка с детьми шла по городу. Младший ребёнок сидел в коляске, а двое плелись, держась за подол матери. Вдруг перед ней возник бешеный сомалийский супруг. От неожиданности женщина остановилась. Они стояли друг напротив друга. Халима (так назовем женщину) не отрывала взгляд от ненавистного мужа. Тот праздновал победу! Ага-а-а! Попалась, которая кусалась! Тогда страдальца толкнула коляску с младшим, и коляска покатила под горку — прямо к супругнику, а сама она развернулась и пошла прочь, дети бежали следом, дёргая за юбку. Он какое-то время шёл за ней с коляской, выкрикивая обвинения, угрозы и мольбы. Безрезультатно! Халима была неумолима. Минут через двадцать этой гонки она услышала:

— Халима! Ты победила! Возьми его!

Обернулась. Коляска с ребёнком стояла поперёк тротуара. Муж тёр сухие глаза рукавом, подглядывая сквозь руку. Давил на жалость. Жалко его не было. Муж по-

¹ Termine (нем.) — время приема.

вернулся и побрёл восвояси. Халима рассказывала сёстрам по несчастью, что привёз он её в Германию, эту землю обетованную для беженцев со всего света, четырнадцатилетней по фальшивому паспорту, выменяв у её же родителей на корову. Корове той было уже лет сто, но алчные родители всё равно согласились. Ударили по рукам и — прощай, родная деревня! Так юная Халима попала в Европу. Муженёк её быстро смекнул, как обдирать государство по максимуму: настрогал детей, чтобы ежемесячно получать *Kindergeld*¹. А его девочка-жена, с кратковременными перерывами на роды, мыла лестницы в подъездах дома, где они жили. Редкий день ей от него не доставалось за то, что плохо, не изобретательно отдавалась мужу, не хотела с ним повторять секс-эквilibристику, которую тот сначала изучал на видеомэгнитофоне: за то, что не хотела заниматься извращениями, и тогда — заставлял силой. Последней каплей в чаше терпения стала измена. Всё терпела сомалийская Кармен, а измены выдержать не могла. Она же думала, что так он её любит!

Такие «бабские» разговоры велись часто вечерами на общей кухне Женского дома, когда детей, наконец, укладывали и можно было спокойно попить чаю и поболтать. Чтобы не было так уж больно от своих же признаний, каждая старалась «подсластить» эти вечера, которые, надо сказать, и правда помогали — этакая групповая терапия. На посиделки каждая старалась приготовить что-то особенное, вкусненькое — традиционные блюда, которые напоминали о родине, о безмятежном детстве в отчем доме, когда родительская ласка и забота были для них чем-то само собой разумеющимся, непреложным, незыблемым, безоговорочным, безусловным, когда они ещё верили, что любовь есть на свете!..

Лилька один раз, подходя к кухне, услышала конец разговора: «Я думала, что тот день, когда я выйду замуж, будет самым счастливым днём моей жизни! Я буду любить его, а он — меня. И никогда-никогда он не назовёт меня душой!» Лилька улыбнулась и подумала про себя, совершенно убеждённая: «Он обязательно будет такой — никогда не назовёт меня душой!»

Русская немка Нина запекала «фальшивого зайца» — так называется немецкий рулет из мясного фарша со спрятанными внутри сваренными вкрутую яйцами. Украинка Таня угощала наваристым борщом с пампушками. Женщины уплетали эту снедь и веселились на глазах. Да ну их, этих мужиков! Мы уже «отстрелялись»! Свобода!

Лилька часто делала эстонские пирукад — пирожки с рисом или с мясом и мультгорп — сладкие творожные ватрушки с вареньем и со сметаной, их ей самой в детстве пекла по воскресеньям на завтрак мама. И Лилька, замешивая тесто, ревела, вспоминая её стройную фигурку в кокетливом фартуке у плиты. «Мама! Мамочка! Как мне плохо! Как я далеко от тебя! Как мне хочется обнять тебя и всё-всё рассказать!»

Звонить было дорого. Лилька бросала в автомат монету в пять марок, но этого хватало на пять минут, чтобы сказать, что жива-здоровая, и только успеть спросить: «Как ты, мамочка?..» Кричать, кричать в трубку... Мама на том конце тоже кричала и плакала... Так они не успевали толком ничего сказать друг другу. На этом связь обрывалась. Лилька сползала по стенке будки и захлёбывалась от рыданий. Хотелось домой, но как ей вернуться? Нельзя! Сначала надо получить образование.

В один из таких вечеров всё та же Халима выступала «звездой программы». Запихивая в рот сладкую жареную лапшу на кокосовом молоке, которую мусульманские женщины считали лакомством (они сами раскатывали тесто, резали, замачивали с имбирём и куркумой, затем тушили на сковороде), вспоминала с особым возмущением один эпизод из замужней жизни. «Хорошая ты, Халима, — сказал ей тогда благоверный, — но мне надо тебя и здесь, и здесь...» Рассказывая, разъярённая женщина бранилась и яростно жестикулировала, плюясь в сострадательных соседок кусочками лапши, воздевала руки, призывая небо в свидетели её унижений, и многозначительно показывала на свои различные части тела. Из глаз её, наполненных одновременно недоумением и ненавистью, вылетали по две молнии, способные, казалось, испепелить весь приют (и близлежащие дома тоже), если бы своевременно не заливались слезами несчастной.

Местные же немки сторонились этих посиделок: во-первых, не хотели готовить — денег жалко, а во-вторых, у них были другие приоритеты. Одна, с позволения сказать, «мать» почти ежедневно кормила своих троих детей одними макаронами с кетчупом, а по ночам тайком ездила на дискотеки, что в Женском доме было строго запрещено. Однажды она подседала-таки к участницам застолья.

— Ну как вчера погуляла, мамаша? — Халима осуждающе покачала головой. — Твой младший два раза просыпался, плакал. А ты закатилась куда-то на всю ночь!..

Карин, так звали женщину, довольно облизнулась:

— Да, вчера наплясалась! Да так удачно. Даже таксисту не пришлось платить.

¹ *Kindergeld* — денежные пособия, выплачиваемые на каждого ребенка.

— То есть как? Бесплатно, что ли, довёз? — удивились все, кто был на кухне. Карин, строго говоря, красотой не блистала.

— Ну прям, бесплатно! — Карин хитро усмехнулась. — Заплатила по-другому. Женщины за столом застыли, как в финальной сцене «Ревизора».

Лилита покинула Женский дом, поступив во Франкфуртский университет на факультет германистики, или, по-нашему, немецкой филологии. Ей дали маленькую уютную комнатку с одним стулом и столиком. На неё нужно было ещё заработать 250 марок. А где? Лилька вошла в комнату, увидела кровать с голым матрасом и заплакала: «Господи! Я совсем одна, совсем одна, мне не с кем поговорить, некуда идти! Господи, помоги мне! Где Ты, Господи?» Неожиданно прямо за окном зазвонили к обеду. Что это? Лилька подбежала к окну и распахнула полузакрытые ставни. Перед ней в нескольких десятках метров звонили колокола русской церкви Святого Николая Чудотворца!

Она начала туда часто ходить. Отец Александр помогал ей и иногда подбрасывал работу — то в церкви, то обратиться у какой-нибудь болящей прихожанки. С голоду не умирала, но приходилось туго. Когда, одуревшая от учёбы, недоедания и недосыпа, чужих, безразличных людей и чужого языка, в субботу вечером Лилька приходила в храм, ей казалось, что она наконец вернулась домой. Подавала записки, покупала на последние копейки просфоры, свечечки и обходила все иконы, прикалывалась к окладам, пахнущим ладаном и розами, и молилась, молилась. Просила прощения у Господа и Богородицы, Николая Чудотворца и всех святых за то, что бестолково и грешно живёт, молилась о здравии мамы, отца и просила — если можно, если Господь ещё видит в ней Своё дитя, — чтобы Он помог ей, Лильке, чтобы подал ей, привёл к ней человека, который бы полюбил её — нескладную и заполошную, и научил бы её любить, любить того, который бы никогда не предал и не оставил её...

Лильке становилось так тепло и покойно у икон, и ей казалось, что Николай Угодник кивает ей милостиво, мол, помолюсь за тебя, дитятко, упрошу! Пресвятая Богородица строго и сострадательно смотрела с иконы, как мать, которая — что бы ты ни натворила — всегда с тобой, всегда защитит, поймёт и не осудит! «Помолюсь! Помолюсь!» — кивала Богородица, придерживая Иисуса-младенца, и Лилька радовалась. Они её любят! Они заступятся за неё! Она не одна! Так обходила всех до канона, ставила свечку за упокой шуйских родственников, которых почти не знала: деда, бабушки, дяди, погибшего ещё молодым при испытаниях чего-то, и всех, за кого некому было помолиться. Потом Лилька стояла всю службу, и, когда хор особенно жалостно затягивал, слёзы ручьём лились по её лицу. На исповеди отец Александр по-доброму пенял ей:

— Что-то ты, голуба моя, сегодня обрелась! Велика милость Господня! Не кручинься! — накрывал её голову епитрахилью и отпускал все грехи: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!»

Год спустя Лильку пригласили на десятилетие Женского дома. Идти или не идти? Проходя мимо художественной галереи, в витрине она увидела небольшую скульптурную композицию в стиле постмодерн: мать, в радостном порыве подбрасывающая вверх своё дитя. Лилька задумалась, а потом вошла и купила статуэтку.

На торжественную часть пришло всё городское начальство, бургомистр. Корреспонденты щёлкали объективами фотокамер, тут и там блистали вспышки. Все «жендомовские» собрались в кулисах. Предполагалось, что кто-то из них выступит, но смелых не находилось. «Не бойсь! Не Сталинград!» — сказала сама себе Лилька, вдохнула поглубже и на выдохе, с завёрнутой в бумагу статуэткой, вышла к трибуне. Подбирать слова не пришлось. Она уже знала, что скажет.

— Уважаемые дамы и господа! Мы сегодня празднуем десятилетний юбилей самого, на мой взгляд, удачного гуманитарного проекта в истории человечества! Во всяком случае, для нас — женщин! — Лилька помолчала, а в зале великодушно захмыкали. — Десять лет назад рухнула темница бесправия, беспомощности и отчаяния, в которой влачили безрадостную и порой на грани выживания жизнь многие женщины! Дом для женщин и детей, находящихся в опасности и ищущих тихого пристанища, защиты, возможности начать жизнь заново, чтобы дети росли в покое и не видели жестокости отца и слёз матери... — у Лильки что-то сжалось в горле. Стало на секунду трудно дышать. Вспомнила свою маму. — Этот Дом, у которого встаёт солнце новой жизни, — это ещё один кирпичик в здании равноправия, которое мы хотим построить, ещё одна победа женщин в борьбе за свои права, — зал зааплодировал. Лилька как в тумане увидела восторженные физиономии начальников и кланья объективов фото-

корреспондентов. — Я — одна из них! Моя жизнь была в опасности, и мне протянули руку помощи! — Лилька обернулась к социальным помощницам, стоящим в кулисах. — Хочу от всех женщин выразить нашу глубочайшую благодарность фрау Мюллер, фрау Гёритц, фрау Хайдеггер, фрау Мозель! Это наши подруги и наставницы! Они помогли нам в самый трудный час справиться с нашей бедой, и теперь наша жизнь обрела новый смысл, получила новый импульс. Мы — свободны! Наши дети ходят в школу и делают уроки. Мы живём и радуемся покою в душе и в доме, — перманентные овации не останавливали Лильку. Она показала на завернутую в бумагу статуэтку. — Но я верю, верю, что настанет такое время, когда женские дома станут больше не нужны! — зал удивлённо и, похоже, даже разочарованно затих. Повисла звенящая, как струна, пауза. — Да-да, не удивляйтесь! Я верю, что, в силу поступательного развития современного демократического общества, эволюционных изменений и воспитательных мер, а также образованности будущих поколений, люди, в том числе и наши мужчины, оставят свои неандертальские атавизмы в прошлом, и мы — человечество — выучим наконец уроки жизни, главный из которых — это понимание, что насилию не место в нашем прекрасном мире! — в зале стало очень тихо. Казалось, что можно услышать, если вздумает пролететь муха или скрипнет стул. Лилька начала медленно разворачивать голубую обёрточную бумагу. — И тогда... — Лилька никак не могла оторвать клейкую ленту. — И тогда... — наконец получилось, и все увидели... «Мать и дитя»! — И тогда, несомненно, создадут музей Женского дома, — закончила фразу Лилька. — Туда будут водить экскурсии и рассказывать про наше странное, жестокое время, а все будут удивляться. Раньше такое могло быть? Мужчины били женщин? Не может быть! Дикость! Нелепость! И вот я хочу нашим «боевым подругам», нашим вдохновительницам и утешительницам подарить первый экземпляр для будущего музея Женского дома! — патетично закончила Лилька, польстив «феям». Но в этот момент она говорила действительно искренне. Столько было пройдено вместе с ними!

Было по-прежнему тихо... Вдруг Лилька услышала сдавленный всхлип. Она взглянула в кулисы. Плакали все: соцработницы и многострадальные обитательницы дома, Халима, которая хотела убить Лильку, Нинка и Таня, с которыми она принимала ночью привезённых полицией женщин, замученных, избитых, находящихся в шоке, пила чаем, стелила постель в гостиной и говорила, говорила, хотя сама была полумёртвая от усталости. Лилька обернулась в зал. В этот момент, как по мановению волшебной палочки, зал встал, и все начальники шмыгали носами, трясли головами и хлопали, хлопали! Казалось, что они отобьют себе все ладони! Вспышки репортёров ослепили Лильку. Она пробормотала:

— Спасибо за внимание! — вручила статуэтку старшей, обняла коротко и убежала в кулисы. Все обступили её. Она сама от себя этого не ожидала, но когда покупала фигурку, то думала об этом... О музее Женского дома...

О праздновании написали, и Лилька красовалась на развороте всех газет, высоко держа статуэтку, вроде премии «Оскар»! План был крупный, чтобы было видно, что это «Мать и дитя»...